

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Направление образования:
5220100 - Филология (славянская филология)

Выпускная квалификационная работа

НА ТЕМУ:
МОТИВ БОГОИСКАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ
Ч.АЙТМАТОВА «ПЛАХА»

студентки 4 «а» курса отделения русской филологии
филологического факультета

КУРБАНОВОЙ ЗАРИНЫ ИСМАТОВНЫ

научный руководитель – старший преподаватель
Исаева Гулнора Абдукодировна

Бухара – 2014

**ТЕМА: «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова
«Плаха»**

утверждена на заседании кафедры русской филологии филологического факультета Бухарского государственного университета 26 августа 2013 года.

Протокол № 1.

Тема утверждена приказом ректора проф. Таджиходжаева З.А.
№ 332-У от 26.09.2013г.

Научный руководитель – старший преподаватель

Исаева Гулнора Абдукодировна

Рецензент – преподаватель Гудзина Виктория Анатольевна

утвержден на заседании кафедры 7 мая 2014 года.

Протокол № 9.

Выпускная квалификационная работа допущена к защите 7 мая 2014 года.

Протокол № 9.

Дата защиты – 10 июня 2014 года.

Зав. кафедрой: _____ **А.Б. Сариев**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	7
1.1. Творческий путь Айтматова.....	7
1.2. Мифологизм Айтматова.....	12
ГЛАВА II. БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЙТМАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПЛАХА»)	22
2.1. Библейские мотивы в романе «Плаха».....	22
2.2. Преломление темы Христа в образе Авдия Каллистратова.....	28
2.3. Библейский прецедентный текст «Не убий» в романе «Плаха».....	36
2.4. Литературные реминисценции и аллюзии в романе «Плаха».....	39
2.5. Методическая разработка урока по внеклассному чтению.....	42
Заключение.....	52
Список использованной литературы.....	55
Приложение.....	59

ВВЕДЕНИЕ

За последние полтора века роман, как явление мирового историко-литературного процесса, претерпел значительные изменения. Русский роман XX века, обращаясь к библейским сюжетам, интерпретирует их в соответствии с индивидуальными авторскими интенциями. В нем человек становится центром сосредоточения противоборствующих сил добра и зла. Этим обусловлен **выбор темы** исследования.

Корпус художественных текстов, обращаясь к библейским сюжетам и темам, в русской литературе XX века обширен. Это трилогия «Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского, диалогия «Москва» А. Белого, «Белые одежды» В.Д. Дудинцева, «Пирамида» Л. Леонова, «Плаха» Чингиза Айтматова. Даже это, далеко неполное, перечисление обнаруживает отчетливую тенденцию преобладания интереса к новозаветным, евангельским сюжетам.

В этом ряду выделяется роман Чингиза Айтматова «Плаха». Есть писатели, каждое произведение которых становится событием в культурной жизни страны, предметом горячих споров и глубоких раздумий. Творчество Чингиза Торекуловича Айтматова убедительное свидетельство тому. Роман «Плаха» - одно из самых сложных и широко обсуждаемых произведений писателя, ему суждено было стать своего рода литературным эпицентром, где столкнулись резко полярные, порою взаимоисключающие взгляды. Камнем преткновения подобного спора вокруг романа «Плаха» стал образ русского человека Авдия Каллистратова и связанные с ним библейские символы.

Писательский феномен Айтматова заключается в том, что стремясь к осуществлению художественного замысла, он пользуется всеми доступными ему средствами, которыми располагает реалистический роман конца XX века. Ему доступен и древний мир, и философия современности, он в одинаковой степени обращается как к эпосу киргизского народа, так и к реализму современной игровой литературы. Наверное, это тот случай художественного универсализма, когда современная философская формула и древнее назидательное

ние, психологический подтекст и библейские мотивы вырастают как целостный живой организм из единого национального корня. Именно в силу фактуры художественных особенностей романа Авдий Каллистратов, этот убежденный христианин и еретик, входит в первый ряд галереи образов, созданных Чингизом Айтматовым.

Объектом данной выпускной квалификационной работы является роман Чингиза Айтматова «Плаха», включающий в себя в качестве сюжетобразующего элемента библейский мотив и образы, среди которых важную роль играет мотив богоискательства. **Предметом** исследования является функция библейских мотивов и образов в реализации темы противостояния добра и зла.

Анализ научной литературы показал, что занимаясь вечными категориями человеческой жизни, Ч.Айтматов впервые обращается в своей практике к библейским образам. Обращается после Достоевского, Томаса Манна, Булгакова. И делает это, прямо скажем, дерзко и смело. Иметь таких великих предшественников – это не только чрезвычайно ответственно, это еще и обязывает к очень многому. К чести Ч.Айтматова следует сказать, что он к этому своеобразному творческому состязанию подошел с полным сознанием того, что без внесения своего, сокровенного и оригинального художественная реализация замысла будет по существу невозможной, вторичной и поверхностной. **Актуальность** выпускной квалификационной работы определяется недостаточной изученностью вопроса из-за проблем идеологического характера, а также тем, что при обилии работ, посвященных анализу поэтики айтматовских повестей и рассказов, в современном литературоведении пока остается в тени библейский аспект романа Чингиза Айтматова «Плаха».

Основная **цель работы** – выявление и описание функции мотива богоискательства в построении сюжета одного из крупных романов XX века – «Плахи» Айтматова. Данная цель определяет ее **задачи**:

1. Описать важнейшие вехи творческого пути Ч.Айтматова.
2. Определить особенности мифологизма стиля писателя.

3. Определить функции библейских образов и мотивов, используемых в романе Ч.Айтматова.
4. Проанализировать способы включения элементов киргизского эпоса и смысловую их нагрузку.
5. Выявить литературные реминисценции и определить их источник.
6. Представить методическую разработку исследуемого материала.

Методологической основой исследования служат работы по истории и теории романа М. Бахтина, В. Шкловского, Е. Мелетинского, А.Д. Михайлова, Н. Рымаря и др., а также исследования, посвященные анализу произведений Айтматова.

Выбор методов исследования обусловлен спецификой материала — это системный, сравнительно-генетический и сравнительно-типологический анализ, а также методики целостного и интертекстуального анализа.

Теоретическое значение выпускной квалификационной работы состоит в том, что в ней предпринята попытка последовательного анализа русского романа XX века, сюжет которого основывается на библейских мотивах и образах, с выявлением и систематизацией способов организации повествования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов исследования в вузовском и школьном преподавании русской литературы XX века, в разработке общих и специальных курсов по теории и истории литературы XX века, а также при изучении литературно-художественного наследия Ч.Т. Айтматова.

Структура исследования определяется поставленными задачами. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав и заключения. Перечень источников включает в себя 45 названий.

ГЛАВА I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

1.1. Творческий путь Айтматова

Чингиз Айтматов родился в 1928 году в долине реки Талас, в кишлаке Шекер Кировского района Киргизии. Трудовая биография будущего писателя началась в годы Второй мировой войны. Чингиз Айтматов вспоминал, что ему самому теперь не верится, что в четырнадцать лет от роду он уже работал секретарем аил совета. А в четырнадцать лет я должен был решать вопросы, касающиеся самых различных сторон жизни большого села, да еще в военное время. Герой труда (1978), академик Академии Наук Киргизии, лауреат Государственной премии (1968, 1977, 1983), кавалер ордена Дружбы (1998), принятого из рук Бориса Николаевича Ельцина, экс-главный редактор журнала «Иностранная литература».

Айтматов долго и упорно он искал свои темы, своих героев, собственную манеру повествования. И – нашел их. Его герои — рядовые труженики, твердо верящие в светлые, добрые начала создаваемой при самом активном их участии жизни. «Жизни светлой, человеческой», люди чистые и честные, открытые всему хорошему в мире, в деле безотказные, в стремлениях возвышенные, во взаимоотношениях с людьми прямые и откровенные.

В повестях «Джамиля» (1958). «Тополек мой в красной косынке» (1961), «Первый учитель» (1962) стройность, чистоту и красоту их душ и помыслов символизируют певучие тополя весенние белые лебеди на озере Иссык-Куль и само это синее озеро в желтом воротнике песчаных берегов и сизо-белом ожерелье горных вершин. Своей искренностью и прямоотой найденные писателем герои как бы сами подсказали ему манеру повествования — взволнованную, чуть приподнятую, напряженно-доверительную и, часто, исповедальную – от первого лица, от «я». С первых же произведений Ч. Айтматов заявил себя писателем, поднимающим сложные проблемы бытия, изображающим непростые, драматические ситуации, в которых оказываются люди, как сказано, сильные, чистые и честные, но сталкивающиеся с не менее

сильными противниками – то ли блюстителями старых нравов и обычаев (законов адата), то ли хищниками, властолюбивыми деспотами, свинцовыми бюрократами, как Сегизбаев в повести «Прощай, Гульсары!», с самодурами и подлецами вроде Ороз-кула в «Белом пароходе».

В «Джамиле» и «Первом учителе» писателю удалось схватить и запечатлеть яркие куски жизни, светящиеся радостью и красотой, несмотря на пронизывающий их внутренний драматизм. Но то были именно куски, эпизоды жизни, о которых он рассказывал возвышенно, наполняясь радостью и счастьем. Писатель все шире и глубже захватывает жизнь, пытаясь проникнуть в сокровенные ее тайны, не обходя острейших вопросов, порожденных двадцатым столетием. Вызвавшая острые споры повесть «Материнское поле» (1965) знаменовала переход писателя к самому суровому реализму, достигнутому своей зрелости в повестях «Прощай, Гульсары!» (1966). «Белый пароход» (1970). «Ранние журавли» (1975), в романе «Буранный полустанок (И дольше века длится день)» (1980). Уже не отдельные куски, слои, пласты жизни, а весь мир начинает видеться в картинах, создаваемых писателем, реальный мир со всем его прошлым, настоящим, будущим, мир, не ограничиваемый даже Землей. Радости, горести, светлые и мрачные возможности нашей планеты в ее географической целостности и социальной расколотости окрашивают творчество писателя в новые тона.

Айтматов обладает стратегическим мышлением, его интересуют идеи планетарного масштаба. Если в своих ранних вещах, скажем, в повести «Первый учитель», писатель сосредотачивался преимущественно на своеобразии киргизской любви, жизни, культуры и, как теперь выражаются, ментальности, то в романах «Плаха» и «И дольше века длится день», имевших шумный успех в конце 70-х - 80-е годы, он проявил себя уже как гражданин Земного шара. Поднял глобальные вопросы. Например, открыто заявил о том, что наркомания - это страшный бич. Сам себе позволил поднять, потому что до него это никому не позволялось.

«Многая мудрость рождает печаль», – говорили древние. Не миновало это и Чингиза Айтматова. Начиная с повести «Прощай, Гульсары!», при всем воинствующе утверждающем пафосе его творчества, оно потрясает острым драматизмом взятых жизненных коллизий, ошеломляющими поворотами в судьбах героев, порой трагических судьбах в самом возвышенном значении этих слов, когда и сама гибель служит возвышению человека, пробуждению скрытых в нем ресурсов добра.

Усложняются, естественно, и принципы повествования. Рассказ от автора порой совмещается посредством несобственно-прямой речи с исповедью героя, нередко переходящей во внутренний монолог. Внутренний монолог героя столь же незаметно переливается в речь автора. Действительность захватывается в единстве ее настоящего, ее корней и ее будущего. Резко усиливается роль фольклорных элементов. Вслед за лирическими песнями, нередко звучащими в первых повестях, автор все шире и свободнее вкрапливает в ткань произведений народные легенды, реминисценции из «Манаса» и других народных эпических сказаний.

В повести «Белый пароход» картины современной жизни, как многоцветные ковровые узоры, вытканы на канве развернутого киргизского предания о матери-Оленихе, а вытканы так, что порой трудно понять, где основа, а где рисунок. К тому же оживление, очеловечение природы настолько органично, что человек воспринимается как неотторжимая ее часть, в свою очередь, природа неотделима от человека. В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977), в романе «Буранный полустанок» художественная палитра обогащается еще и ненавязчивым подчинением реализму (реализму самой чистой пробы) мифа, легенд, «преданий старины глубокой». Эти и другие фольклорные элементы всегда несут многозначный смысл, воспринимаются то как символы, то как аллегории, то как психологические параллели, придают произведениям многоплановость и углубленность, содержанию – многозначность, а изображению стереоскопичность. Творчество писателя в целом начинает восприниматься как эпическое сказание о мире и человеке в

одну из самых величественных эпох – сказание, создаваемое одним из самых активных и страстных ее деятелей.

Главный герой Чингиза Айтматова, лично ответствен за все, что, было, есть и будет, что может случиться с людьми, Землей, Вселенной. Он — человек дела и человек напряженной мысли – пристально рассматривает свое прошлое, чтобы не допустить просчета на трудном пути, пролагаемом всему человечеству. Он озабоченно всматривается в будущее. Таков масштаб, которым руководствуется писатель и в подходе к современному миру, и в изображении своего героя, осмысляя их во всей их многозначности.

Произведение острое, написанное действительно кровью сердца, роман «Буранный полустанок» породил самые различные, во многом не совпадающие мнения. Некоторые считают, что временная неопределенность образа «манкурта» может порождать кривотолки. Другие говорят о том, что символ, именуемый в романе «Паритетом» и несущий на себе всю космическую линию в произведении, слагается из противоречащих друг другу начал и потому не может быть принят безоговорочно, как и само решение связанной с ним главной проблемы. К тому же, добавляют третьи, и легенда о «манкуртах» и космическая фреска, созданная чисто публицистическими средствами, не очень органично спаяны с основной частью повествования.

Можно соглашаться или не соглашаться с подобными мнениями, но нельзя не признать главного: роман «Буранный полустанок», пронизанный, по определению Мустая Карима, «болью и безмерным оптимизмом, безмерной верой в человека...», вряд ли оставит кого-либо равнодушным. Писателю удалось убедительно показать богатейший духовный мир простого человека, имеющего свое мнение о самых сложных проблемах человеческого бытия. Глазами его главного героя на нас смотрит сама наша эпоха с ее победами и поражениями, ее горечами и радостями, сложными проблемами и светлыми надеждами.

Новый роман – «Тавро Кассандры», опубликованный в «Знамени» в 1994 году. Еще более беспокойный, но беспокойный по-своему, «по-айтматовски». Казалось бы, люди на огромных просторах СНГ дерутся, деньги в огромных количествах воруют, прочие непотребности творят, - так и пиши про это. Однако Айтматов, по-видимому, не способен рассматривать всевозможные частности у себя под ногами. Взгляд его по-прежнему устремлен на Землю сверху вниз, охватывая ее целиком.

Неслучайно главный герой - монах Филофей - летает вокруг Земли в орбитальной станции: так ее, горемычную, получше рассмотреть можно. Филофей таковым был не всегда, прежде он был ученым Андреем Андреевичем Крыльцовым, специализировавшимся в области выведения искусственных людей, «иксродов», во чревах, так сказать, бесплатных экспериментаторов, то есть женщин-заключенных. Потом, незадолго до объявления себя монахом, ученый выяснил, что не только дело это несправедное, но и эмбрионы отказываются появляться на свет, в котором царит зло. Таково было решение природы: защитить себя от кровососущего человечества, пусть вымрет. Чем не Апокалипсис в мягкой форме?

Трудно найти такое произведение Ч. Айтматова, в котором не были бы освещены проблемы духа и нравственности, не описывались бы духовные и нравственные ценности человеческой личности. Отчуждение человека от самого себя – это одновременно и отчуждение от общества, перерыв всех и всяких общественных связей, кроме тех, которые необходимы для поддержания чисто биологического существования. В итоге – полная атрофия какой бы то ни было социальной, гражданской, общественной активности и возникающая отсюда бездуховность, бессмысленность существования. Когда нет возможностей для проявления общественных начал, чувства необходимости самого себя людям и обществу, когда человеческая сущность в силу тех или иных причин пребывает в бездуховности. К этой стороне человеческой жизни обращается Ч. Айтматов, показав в своих произведениях целую галерею образов, лишенных духовных ценностей.

1.2. Мифологизм Ч. Айтматова

Для киргизской литературы предпосылкой развития литературы стал художественный гений народа, создавший бессмертный эпос «Манас», который, по словам В. М. Жирмунского, «по своим грандиозным масштабам ... превосходит все известные памятники мирового эпического творчества».

Ч. Айтматов как художник вырос из этого исторического феномена. Писатель акцентирует свое внимание на таком аспекте, как «осознание народом своей исторической судьбы, права на будущее, которого достоин каждый народ и каждый человек». «Меня волнует историческая родословная и биография идей, их общечеловеческая сущность. Разве не замечательно, если человек XX века способен осознавать себя современником Одиссея? И в свою очередь – вызвать Одиссея из глубин времени, беседовать с ним? Управление временем – это кажется сказкой». Более того, именно в его творчестве художественное самосознание киргизского народа достигает высоты общечеловеческого. Именно в его творчестве национальное становится ценностью мирового порядка.

Интересное наблюдение над стилем Ч. Айтматова мы находим в статье С. Залыгина «Писатель и традиция»: « В «Белом пароходе» Чингиза Айтматова меня удивляет такая особенность: отдельно взятый абзац его повести то и дело звучит как сказка, однако же в целом – это вполне реальное произведение, написанное чистым и красивым русским языком».

Как удается художнику создать иллюзию реальной жизни средствами преимущественно из арсенала сказка? Он не использует фольклор. То есть не заимствует из него темы или отдельные мотивы, чтобы осовременить их. Сказка для писателя – такая же реальность, как любой факт действительности. Но она – ее сон, ее мечта. Суть не в том, чтобы низводить сказку до обыденности, лишая ее свойств волшебства. Ч. Айтматов возвращает фольклору его прежнюю художественную насыщенность и силу какими он обладал, когда выражал реалистическое мироощущение его создателей. И в этом каче-

стве сказка обретает право на самостоятельное существование. Сказка на равных приравнивается к вполне реальному анализу – например, мечте. В иной стилистике она равна «думе». И такая входит в образную жизнь того или иного произведения.

Почему интерес Ч. Айтматова к мифам, легендам так велик? Вот как мастер слова говорит по этому поводу: *«Я пытаюсь внедрить в современную реалистическую прозу то, что является наследием прошлой культуры: миф, легенду, предание. Ведь и ранее люди пытались осмыслить мир в художественных образах минувшего, и это осмысление имело для каждого времени свою злободневность. С той поры много воды утекло, но я считаю, что элементы мифологического сознания мира можно приспособить к современному способу мышления. Так что тема памяти для меня важна во многих смыслах. Но прежде всего надо осознать, что такое историческая память, именно она сегодня важна и художнику и читателю. Люди помнят все или должны помнить все. Кто-то верно заметит: тяжело тому, кто все помнит. Так вот, пусть нам будет тяжело, но мы не должны забывать уроков прошлого. И пусть эти уроки влияют на нас во всем: на наше поведение, на наше сознание, поступки. Человек должен быть, прежде всего, человеком, он должен жить в гармонии с подобными ему людьми, в гармонии с природой, он должен быть носителем высоких идеалов. В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» я хотел показать, в каких отношениях могут быть поколения людей, что память об отце, брате, деде, о прародителях неотторжима от всей жизни последующих поколений».*

Появление в «Белом пароходе» мифа о Рогатой Матери-оленихе и сложное сопряжение его с событиями повести дали повод некоторым исследователям говорить об Айтматове в плане проблемы современного мифологизма. Так, Л. Арутюнов пишет: «Можно утверждать, что повесть Айтматова («Белый пароход») в своей сути не менее мифологична, чем «Антигона». И далее: Айтматов разрушает патриархальный миф при помощи современного мифотворчества». Мифологизм Айтматова носит достаточно своеобразный

характер. Современный мифологизм – это не только поэтика мифа, но и стоящее за ней мироощущение, включающее в себя сложный комплекс идейно-художественных воззрений. И как всегда прав Ч. Айтматов, говоря, что *«современность мифа – в его непреходящей поэзии, человечности. А подлинная человечность в том, что герой испытывает состояния, навыки, жесты, язык, еще недошедшие в злободневную силу», - в пределах мифа, который он, кстати, творит сам, но как реальный человек, чей строй души и мыслей, высота нравственных убеждений рождены социальной конкретностью времени и места ...»*

Миф действительно присутствует в его «Белом пароходе». Сложное преломление в его сюжете повествования дает повод говорить об элементе мифологизма, использованного Айтматовым в повести. И только. Вся жизнь мифа в повести реалистически соотнесена с действительностью: старый дед рассказывает внуку сказку, и внук, маленький мальчик, как это свойственно детям, поверил в ее правду. Айтматов, исподволь раскрывая нам внутренний мир своего героя, показывает, как в его богатом поэтическом воображении, постоянно творящем свои маленькие сказки (с биноклем, камнями, цветами, портфелем), может жить и «сказка» (так он называет миф) о Рогатой Матери-оленихе. Появление в местном заповеднике живых маралов поддерживает живущую в сознании мальчика легенду о спасительной Оленихе.

Второй глубинный план жизни мифа рождается за пределами повествования, уже в нашем, читательском сознании: природа – мать всего сущего на земле и человека тоже: забвение этой истины приводит к роковым последствиям, более всего чреватými глубокими нравственными потерями, т.е. миф играет роль художественной метаморфозы для выражения этой мысли писателя.

Итак, рассмотрим некоторые мифы в двух повестях – «Белый пароход» и «Пегий пес, бегущий краем моря». В повести «Белый пароход» две сказки. Вернее их больше, но две сыграли в судьбе мальчика решающую роль. Одну рассказал дед Момун. Другую он сочинил сам. Строго говоря, это не совсем

сказки. Первая – про Рогатую Мать-олениху – стилистически и по существу является эпическим сказанием. В основу ее легло предание о начале рода киргизского, до сих пор бытующее в горах Прииссыккуля. Вторая - сказка о белом пароходе, придуманная мальчиком. В ней сказочна мечта мальчика – превратиться в рыбу и уплыть в Иссык-Куль, к белому пароходу, а все остальное, т.е. весь воображаемый разговор с отцом, - это правдивый рассказ мальчика о своей жизни с дедом на кордоне.

Сказками мальчик называет их потому, что в них присутствует чудо, в детском представлении ассоциирующееся с волшебной сказкой: чудо в виде Рогатой Матери-оленихи, спасшей последних киргизских детей от неминуемой гибели, и чудо превращения мальчика в рыбу.

Сказка про Рогатую Мать - олениху все еще живет в памяти киргизов. Орнамент на праздничных кошмах, покрывающих юрты, передает рисунок маральих рогов, а высокий головной убор бушнок – челек – до сих пор хранит память о них. Когда-то - говорит предание - человек прятал под собой рога Матери-оленихи. Ч. Айтматов положил эту легенду в основу своего сказания о маралах, дал ей вторую жизнь. А она в свою очередь, помогла во всей полноте раскрыться в Айтматове таланту сказителя, в этом сказании он дал волю живущей в нем стихии эпического рассказчика:

«Есть ли река шире тебя, Энесай,
 Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
 Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
 Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?»

Поэзия этой песни, весь ее емкий смысл задали тон прекрасной и мудрой легенде о древних киргизах. Весь стиль сказания будет выдержан художником в этой тональности. Ни одного лишнего слова, каждый образ предельно наполнен глубоким содержанием. «Убивали всех, кого удавалось убить – такие были времена. Человек не жалел человека». Сдержанный лаконизм вы-

ражений, подобных приведенному, сменяла щедрая образность, рожденная игрой фантазии, достойной лучших образов киргизских народных сказаний:

«Трубачи приготовились играть в боевые трубы - карнаи, барабанички ударить в барабан – добулбасы – так, чтобы тайга закачалась, чтобы птицы тучей взлетели к небу и закружились с гамом и стоном, чтобы зверь бежал по чащам с диким храпом, чтобы трава прижалась к земле, чтобы эхо зарокотало в горах, чтобы горы вздрогнули ...»

Для сравнения приведем небольшой отрывок из «Манаса» - картину, предшествующую появлению трех богатырей, трех знаменитых сподвижников «Манаса»:

Там, где небо проткнули насквозь
 Выступы горы, кривой, как рог,
 Там, где над бездной пересеклось
 Девяносто узких дорог,
 Там, где падают девять рек,
 С влажным шумом сливаясь внизу,
 Там, где пламень грозы рассек
 Деревя в дремучем лесу...

Мы намеренно выбрали пейзаж, выдержанный в типичном для «Манаса» песенно-поэтическом стиле, чтобы показать характерную для киргизского эпоса образную живопись, полную экспрессии и предельной выразительности. Здесь интересны в этом смысле не только эпическая образность метафор и сравнений: небо, проткнутое насквозь выступом горы, деревья, рассеченные молнией, камни, похожие на черепа. Обращает на себя внимание ритм, возникающий от многократно повторенного слова «там», который создает особую поэтическую интонацию.

Именно этот ритм, это интонация не только характерны для «Манаса», но, можно сказать, составляют его главный стилистический нерв. В айтматовском сказании о маралах мы слышим ту же интонацию, улавливаем тот же стилистический контрапункт: «... Так, чтобы тайга закачалась, чтобы

птицы тучей взлетели к небу ..., чтобы зверь бежал по чащам с диким храпом, чтобы трава прижалась к земле, чтобы эхо зарокотало в горах, чтобы горы вздрогнули ...» Ритм и музыкальность айтматовской фразы создают ту же поэтическую атмосферу народного эпоса: «Если бы звезды стали людьми, им не хватило бы неба. Если бы рыбы стали людьми, им не хватило бы рек и морей ...»

В сказании о маралах художник проявил тонкое понимание культуры собственно эпического жанра, поразительное знание и чувство его стилистической формы. *«На погребальной сопке у открытой могилы полагалось батыра поднять над головами и показать ему четыре стороны света: «Вот твоя река. Вот твое небо. Вот твоя земля. Вот мы, рожденные от одного с тобой корня. Мы пришли проводить тебя. Спи спокойно».* Так у Ч. Айтматова прощаются древние киргизы со своим вождем Кульче. Картина похорон Кульче, весь обряд погребения полон у Айтматова глубокого смысла и выдержан в строгом и торжественном ключе. Это при том, что язык сказания предельно ясен и прост: *«В дни похорон юрты всего племени расставляли цепью на берегу, чтобы каждая семья могла проститься у своего порога с батыром, когда будут проносить его тело на погребение, склонить к земле белый флаг скорби, голосить и плакать при этом и затем идти дальше вместе со всеми к следующей юрте, где опять будут причитать и плакать и склонять белый флаг скорби, и так до конца идти, до самой погребальной сопки».*

Сказание написано мастерски, а смысл его по своей многозначительности выходит за границы киргизского предания. Память его народа сохранила эту «сказку» в назидание потомкам, а художник рассказал ее в поучении всем людям.

В «Пегом псе ...» миф, вернее легенда выступает как главный объект повествования. Повесть открыто мифологична и по форме (это мифологическая поэма, так называет ее сам автор), и по содержанию (в ней живут два известных нивхских мифа – о птице Лувр и Рыбе - женщине). Более того, в от-

личие от «Белого парохода», где рассказчик – современный человек, в чьем сознании четко и определенно существует реальный мир и мир сказки, в «Пегом псе ...» Ч. Айтматов выступает в роли эпического автора, т.е. человека, для которого мифы – самая серьезная реальность и самая безусловная правда. Сейчас мы попытаемся показать, что писатель – «эпический автор».

А. Ф. Лосев пишет: «Эпический художник – это тот, сознание которого тождественно с сознанием народа на общинно-родовой ступени его истории ..., причем подобно сознание выбирает и соответствующие ему художественные формы». В. В. Радлов считает: « ... необходимы три условия для того, чтобы поэтом мог быть составлен истинный народный эпос. Во-первых, он должен быть членом народа, имеющего врожденную склонность к производству эпических песен, из которых в течение времени с помощью великих исторических событий может вырабатываться настоящая эпика».

Как видно, первому условию Ч. Айтматов легко удовлетворяет. «Во-вторых, в народе его не должна возникнуть культура до тех пор, пока настоящая эпика не дошла до полного процветания, и в этой бескультурной эпохе народ должен был испытать целый ряд великих исторических событий и эпических потрясений. В-третьих, должно во времена высшего процветания эпики возникнуть сильное стремление к культуре, которое быстро подняло бы значительную часть общества не непредвиденную раньше культурную высоту».

Мы можем с абсолютной точностью заявить, что Ч. Айтматов народный писатель с эпическим творчеством. Миф в «Пегом псе ...» проявляется как мироощущение. И все-таки, максимально приближаясь к современному мифотворчеству, мифологизм Ч. Айтматова, лишенный условности новейшего художественного направления, оставаясь на реалистической почве, представляет собой, явление пограничное. Мифологично оно постольку, поскольку в нем проявилась нивхская мифологическая традиция. По сути же это реалистический рассказ о том, как четыре нивха были застигнуты в море гибельным туманом. Айтматовское повествование о нивхах воспринимается нами как быль, ставшая легендой. Присутствие мифов только оттеняет прав-

ду, происходящую в этой «были». Жизнь мифов в повести, отношение к ним героев, реалистически мотивированы. Мифы живут в сознании героев, проявляясь в ритуальной песне-обряде, снах, выступая тем орнаментом, той бытовой, временной, эстетической, наконец, приметой нивхского глубоко патриархального мифа чувств и представлений. По – нивхски, действительно, утка Лувр сотворила мир – твердь земную в безбрежном океане воды.

Показательно и необыкновенно ценно признание, сделанное по прочтении повести Вл. Санги: *«... В главном Айтматов как художник достиг поставленной цели. Он глубоко и верно изобразил нерасчлененное человеческое сознание, сумел войти в него»*. Писатель – реалист ставит перед собой задачу воссоздать своеобразный внутренний мир патриархального нивхского человека. Художник последовательно раскрывает новый для себя национальный мир, широко используя нивхский географический, этнический, фольклорный материал. Ч. Айтматов строит свой рассказ в привычном для него эпическом ключе, - снова широко используя повторы, рефрены, снова применяя технику авторского голоса в зонах героев, главным нервом по-прежнему остается поток сознания, позволяющий выявить тот тончайший психологизм, который ставит эту эпическую легенду в ряд современных произведений. И реалистические приметы не только быта (одежда, охотничье снаряжение, лодка-долбленка), но и времени, даны хоть и скупно, но точно и ясно, чтобы воссоздать определенный исторический момент из жизни нивхов.

Ч. Айтматов рассказывает быль как легенду, но мы все равно воспринимаем ее как быль. Это происходит потому, что ставя перед собой задачу создать легенду, миф, Айтматов лишает повествование присущих мифу условностей и, окуная нас в мир реальности, тем самым разрушает миф. Возьмем, например, такую характерную для мифа условность, как чудо. У Ю. Рытхэу чудо, как и положено в мифе, включено в действие: кит превращается в человека, женщина рождает китят и пр. У Ч. Айтматов же действие повести совершенно лишено сказочной фантастичности. Миф живет только в

сознании участников, в основном, в снах Органа. Само же действие повести, поступки героев, движение сюжета совершенно лишены мифической чудесности. Это отношение к чуду – главное отличие Ч. Айтматова от того же Г. Маркеса, у которого чудесное врывается в действие, причудливо преломляясь в сюжете, придавая ему фантастический колорит. Маркесу не важны реалистические мотивировки, он небрежен к правдоподобию. У него другие задачи, другой «метод доказательств». Ч. Айтматову же принципиально важна правда. Это – его позиция, его писательское кредо.

Чтобы читатель поверил в очень важную мысль его повести о нивхах – мысль об изначальности альтруизма человека, Ч. Айтматову необходимо, чтобы он поверил, что все, происходившее в лодке – правда. Трагическая ситуация в лодке, несмотря на внешнее спокойствие, несуетливость, мужественную сдержанность и достоинство поведения каждого, как всякий катаклизм, вызывает потрясение духовного порядка. В Органе – прозрение смысла своего бытия. В Мылгуне – бунтарство против бессмысленности их гибели, бунт против богов, т.е. своего рода святотатство. В Эмрайине – открытие значения собственной жизни. В мальчишке Кириске – своей связи со старшими в лодке и особенно с отцом. Даже фантастический сон Органа дает нам понять душу старейшины. Его необыкновенные сны о Рыбе – женщине так много значат для него, что одна мысль, что они могут кончиться с его смертью, наполняют его такой тоской, перед которой меркнут все страсти даже такого сильного человека, как Мылгун. Гиблый туман – смерть, показавшая им свое лицо, - не смог сломить духа людей в лодке. И на пороге «Великого Предела» они остались людьми: и старик, и Эмрайин, и Мылгун, и даже мальчик. Они сообща победили смерть и стали легендарными.

Кончается повесть, и мы обнаруживаем, что кончилась не только история о четырех нивхах, застигнутых в море Великим туманом, но и нивхская легенда про ветер Орган, про волны Акимылгуны, про звезду Эмрайин. И это воля автора и его право. Два художественных пласта – реалистический и эпический, так характерны для повествования Ч. Айтматова, впервые заключены

им в чисто эпическую форму – легенду. Поэтическая стихия эпоса – это художественная стихия Ч. Айтматова. Поэтому он так свободно и раскованно чувствует себя в эпосе другого народа.

Итак, мы детально разобрались в рождение и построении айтматовского мифа в двух его повестях – «Белый пароход» и «Пегий пес, бегущий краем моря». Но оригинальность мифа заключается в том, что прошлое тесно переплетается с современностью, а значит, что люди нашего времени обращаются к прошлому, а у Ч. Айтматова прошлое – миф. Таким образом, мы подходим к вопросу: как проблематика современности раскрывается в мифах.

Сегодня герои многих наших книг погружены в сосредоточенные раздумья о человеке, о судьбе духовных и нравственных ценностей, об усложняющихся отношениях людей с природой, о путях обновления жизни. В своих книгах Ч. Айтматов высвечивает больные стороны сегодняшней жизни.

Глава II. Библейские мотивы в творчестве Айтматова (на материале романа «Плаха»)

2.1. Библейские мотивы в романе «Плаха»

Чингиз Айтматов написал свой роман в 1986 году, когда ему было пятьдесят восемь лет. К тому времени он уже имел богатый литературный и жизненный опыт. Во второй половине XX века начался подъём литературного движения. Этот процесс был обусловлен наступлением так называемой «оттепели» в социально-политической жизни нашего государства, а, следовательно, в людских душах и умах. Намечались некоторые послабления в жёсткой, каменной системе тоталитарного режима. Многие писатели смогли вздохнуть с облегчением, получили возможность донести свои творческие идеи до широких масс. Но создаётся впечатление, что произведения Айтматова вошли в жизнь без спроса, без утверждения в инстанциях и разрешения «сверху», понятно просто и открыто повествуя о сложнейших проблемах духа и бытия, о самом ценном, тонком и искренне-сокровенном, что только может быть у человека.

Жизнь человека – это постоянный выбор. Судьба его – выбирать свой жизненный путь, добро или зло, те принципы, которыми потом он будет руководствоваться. Очень важно, чтобы в переломный момент становления личности человек не сбился с правильной дороги, не пошёл по ложному пути. Какое счастье, если он вовремя обретёт те нравственные ориентиры, которые станут полноправной частью его жизни, души, которые он будет свято хранить и передаст потомкам. Часто случается так, что книга, умная и добрая, становится ему спутником и товарищем, в котором можно найти всего себя, внимая каждому слову этого порой единственно верного друга. Неспроста Борис Пастернак говорил: «Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести – и больше ничего».

«Плаха» - это как раз тот «кубический кусок» болящей, вопиющей совести Чингиза Айтматова, да и всех тех людей, которые мыслили и развивались параллельно автору, равнодушный и страстный взгляд которого видит мир не плоско, а объёмно. Это произведение классика мировой литературы XX века сравнимо разве что с прекрасным бриллиантом, манящим заглянуть в ту непознанную глубину, которая в нём скрыта. Любоваться таким драгоценным камнем нужно с разных сторон, ведь каждая его грань сияет по-особенному. Читая «Плаху», погружаешься в поток стремительного течения, настолько быстрого, что плыть самому просто не удаётся, как не получается сразу осознать глобальность, всеобъемлющий смысл произведения. Остаётся только верить в стремление, восхищаться и в то же время опасаться её нехватности, стихийности.

В своём романе «Плаха» он поднял множество проблем нравственного, экологического, философско-религиозного, политического характера, беспокоящих общество в те годы. Эти пороки существовали и ранее, только тщательно скрывались. Можно сказать, что это проблемы вечные, просто с наступлением новой эпохи они решили подкрасться к человечеству под коварной маской, принимая неизвестный до этого облик, характер.

Само название книги очень символично, это звено в невидимой цепи, связующей два тысячелетия. Плаха воспринимается нами, как своего рода крест... крест... Голгофа, как место казни Христа, взявшего на себя грехи целого человечества, всех людей, которые жили и которым это только ещё предстоит в будущем. В романах с библейскими интертекстами внимание писателей концентрируется на двух аспектах: формирование образа Христа как философской, религиозной, культурной константы и возможности его многообразных авторских интерпретаций, основы которых заложены книгой Э. Ренана «Жизнь Иисуса».

В результате, всякий художник, обращаясь к евангельскому прототипу, «ищет истину образа, а не истину событий» (Л. Яновская) и образ Христа или

героя, в котором он аллегорично откликается, в контексте романа приобретает свои собственные черты.

Если евангельский Христос пребывает в мифологическом мире, а миф — это образная модель миропорядка, то художественное осмысление образа Христа будет экзистенциальным, оно будет отражать или исследовать его человеческие, личностные качества, проецируя их в различных исторически-сложившихся ситуациях.

Художественное пространство романа «Плаха» тоже, с одной стороны, конкретно, как место совершения конкретных событий, а с другой - соотносено с другим, высшим пространством: «Солнце и степь - величины вечные: по солнцу измеряется степь, настолько оно велико, освещаемое солнцем пространство». Сложна и образная ткань романа. Пласт вечного, высшего намечен в книге не только христианскими мотивами: образы солнца и степи как вечных величин органично едины с образом из другой художественной системы - образом синеглазой волчицы Акбары.

Хотя образы Иисуса Христа и волчицы Акбары восходят к совершенно различным и даже разнородным мифологическим и религиозным традициям, в романе Ч. Айтматова они оказываются вплетенными в единую поэтическую ткань. Вспомним, что во внешнем облике каждого из этих персонажей подчеркнута одна и та же деталь - прозрачно-синие глаза.

Глаза Иисуса	Глаза волчица Акбара
«Как тебе угодно правитель, я в твоём распоряжении – ответил собеседник и поднял на прокуратора прозрачно-синие глаза , поразившие того силой и сосредоточенностью мысли...»	А если бы кто-нибудь увидел Акбару вблизи, его бы поразили ее прозрачно-синие глаза - редчайший, а возможно, единственный в своем роде случай».

Образ прозрачной синевы глаз Иисуса и волчицы приобретает силу поэтического лейтмотива в завершении этого образного ряда - в описании озера Иссык-Куль, образа «**синего чуда среди гор**», своеобразного символа вечного обновления жизни: «*А синяя крутизна Иссык-Куля все приближалась, и ему [Бостону хотелось раствориться в ней, исчезнуть - и хотелось, и не хотелось жить. Вот как эти буруны - волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя...*».

В сложной художественной многомерности романа Ч. Айтматова судьбы конкретных героев оказываются отмечены особой глубиной и значительностью. Такова прежде всего судьба Авдия. Знаменательно уже имя героя. «Имя-то редкое какое, библейское», - удивляется Гришан. Действительно, имя Авдий – «библейское»: в Ветхом Завете упоминается не менее 12 человек, носящих его. Но автор имеет в виду не просто общий библейский колорит. С самого начала он связывает имя своего героя с конкретным Авдием: «... упоминается такой в Библии, в Третьей Книге Царств». Об этом Авдии сказано, что он «человек весьма богобоязненный».

Но самое главное в нем - подвиг верности истинному Богу и истинным пророкам: во времена царствия нечестивого идолопоклонника Ахава, когда его развратная жена «истребляла пророков Господних, Авдий взял сто пророков, и скрывал их..., и питал хлебом и водою». Так библейская реминисценция освещает намечающуюся тему Авдия как тему **человека особенного**, при всей его конкретности, тему *человека избранного судьбой за его преданность вечным, истинным идеалам*. Воплощением этого истинного идеала в романе предстает прежде всего Иисус Христос, которого страстно проповедует Авдий, призывая людей мерить себя его, христовой мерой.

Вся жизнь и мученическая смерть Авдия - реальность правоты Христа, возвестившего свое второе пришествие в стремлении людей к праведности, утверждаемом через страдание. Вместе с тем, Авдий Каллистратов постоянно возносит свои мольбы к другому богу, которого почитает и любит несколько не меньше, - волчице Акбаре: «Услышь меня, прекрасная мать-волчица!».

Авдий ощущает свою особую избранность в жизни по тому, как пощадила его Акбара, увидев его доброту к ее детенышам. И эта доброта по отношению к маленьким волчатам для героя важна не меньше, чем его принципиальность христианина. Молясь Акбаре, Авдий заклинает ее и своим, человеческим богом, и ее, волчьими богами, не находя в этом ничего кощунственного. К Великой Акбаре - и его предсмертная молитва: «Спаси меня, волчица...». И последнее утешение в жизни - явившаяся на его зов синеглазая волчица.

В романной мифологии, созданной самим Ч. Айтматовым, объединились, как видим, образные искания разных культур. Волчица - персонаж, восходящий к киргизскому эпосу и мифологиям, в которых преобладает пластическое мышление; здесь образы содержательны своей зримой эмблематичностью.

Иисус Христос - герой принципиально иной типологической организации, призванной осмыслить не внешнее проявление жизни, а ее сокровенную, скрытую суть. Писатель тонко чувствует эти различия. Может быть, поэтому тема волчицы развивается в романе как эмоционально-поэтическая основа мифологии автора, а тема Иисуса Христа - как ее теоретический, концептуальный центр. Некоторые критики упрекали писателя за то, что Христос представлен в его романе только средствами риторики и даже публицистики: «...у Айтматова Христос превращается в настоящего ритора, красноречивого софиста, дотошно объясняющего свои «позиции» и оспаривающего противную сторону».

Не будем здесь говорить о справедливости или несправедливости этих упреков, подчеркнем другое: образ Христа в «Плахе» выстроен по принципу рупора авторских идей. Развернуто, подробно, но вместе с тем и четко он декларирует свое кредо:

«..я... приду, воскреснув, а вы, люди, пришествуете жить во Христе, в высокой праведности, вы ко мне придете в неузнаваемых грядущих поколениях... Я буду вашим будущим, во времени оставшись на тысячелетия поза-

ди, в том Промысел Всевышнего, в том, чтобы таким способом возвести человека на престол призвания его - призвания к добру и красоте». Вот почему для айтматовского Христа самое важное - быть услышанным, а самое страшное – не казнь, не смерть, а одиночество.

В связи с этим приобретает особое звучание в романе мотив гефсиманской ночи. Евангельский Христос стремился к уединению в Гефсиманском саду. Оно было для него моментом концентрации духовных сил перед подвигом высшего искупительного страдания. В «Плахе» это апокалипсическое предвидение страшного конца света, который «от вражды людей грядет»: *«Меня томило страшное предощущение полной покинутости в мире, и я бродил той ночью по Гефсимании, как привидение, не находя себе покоя, как будто я один-единственный из мыслящих существ остался во всей вселенной, как будто я летал над землей и не увидел ни днем, ни ночью ни одного живого человека, – все было мертво, все было сплошь покрыто черным пеплом отбушевавших пожаров, земля летала сплошь в руинах – ни лесов, ни пашен, ни кораблей в морях, и только странный, бесконечный звон чуть слышно доносился издали, как стон печальный на ветру, как плач железа из глубин земли, как погребальный колокол, а я летал, как одинокая пушинка в поднебесье, томимый страхом и предчувствием дурным, и думал – вот конец света, и невыносимая тоска томила душу мою: куда же подевались люди, где же мне теперь приклонить голову мою?»*.

Художественное время жизни Авдия Каллистратова причудливо соединяет разные временные пласты: конкретное время реальности и мифологическое время вечности. Писатель называет это «историческим синхронизмом», способностью человека «жить мысленно разом в нескольких временных воплощениях, разделенных порой столетиями и тысячелетиями». Силой этой способности Авдий оказывается во времени Иисуса Христа. Он умоляет людей, собравшихся у стен Иерусалима, предотвратить страшную беду, не допустить казни Христа. И не может до них докричаться, потому что им не дано услышать его, для них он человек из другого времени, еще не родив-

шийся человек. Но в памяти героя прошлое и настоящее связаны воедино, и в этом единстве времени – великое единство бытия:

«...добро и зло передаются из поколения в поколение в нескончаемости памяти, в нескончаемости времени и пространства человеческого мира...».

Мы видим, как сложно соотносятся миф и реальность в романе Ч.Айтматова «Плаха»: освещенная мифологической космичностью, реальность приобретает новую глубину и таким образом оказывается основой для новой мифологии. Введение евангельских образов сообщает художественным исканиям писателя особый эпический размах и философическую глубину.

Драма христианской личности — или Голгофа, на которую непременно восходит человек — оказывается истинным счастьем, которое никто не в силах отнять. Эту мысль развивает Ч.Т. Айтматов в романе «Плаха».

2.2. Преломление темы Христа в образе Авдия Каллистратова

«Тема Христа возникает в «Плахе» в связи с сюжетной линией Авдия Каллистратова. «В неистовом поиске истины» герой не молит своих мучителей о пощаде и оказывается сброшенным с поезда, что и вызывает сопоставление с евангельской ситуацией: «Ведь был уже однажды в истории случай — тоже чудак один галилейский возомнил о себе настолько, что не поступился парой фраз и лишился жизни <...>. А люди, хотя с тех пор прошла уже одна тысяча девятьсот пятьдесят лет, все не могут опомниться. <...>. И всякий раз им кажется, что случилось это буквально вчера <...>. И всякое поколение <...> заново спохватывается и заявляет, что будь они в тот день, в тот час на Лысой Горе, они ни в коем случае не допустили бы расправы над тем галилеянином».

Сближая «далековатые» моменты, повествователь уступает роль «авторитетного руководителя» (Бахтин), ожидая от читателя «его участия в порождении содержания произведения» (Потебня). Подобное возрастание творческой роли характерно для культуры XX в.

Эпизод, в котором Авдий теряет сознание и в обморочном сновидении проживает последние часы земной жизни Иисуса Христа, вводится в роман не как фон для его истории — его история вполне могла бы быть композиционно завершённой и без введения евангельских аллюзий, — а как сюжетно-самостоятельный «случай с чудаком галилейским». Случившееся «однажды», перерастает рамки своей единичности и бесконечно повторяется в нескончаемых воспоминаниях, возрастает до уровня вечной памяти («все забудется в веках, но только не этот день») и снова, и снова повторяется в судьбах тех, «кто не смог... поступиться парой фраз». Сама сцена в вагоне товарного поезда и ее фигуранты ассоциативно воспроизводят суд, бичевание и распятие Христа. Поэтому следующее за ней обморочное видение Авдия сводит воедино исторически-конкретное и вечное.

Каллистратов, первый русский герой, изображаемый Айтматовым, но писатель подчёркивает, прежде всего, не его национальность, а принадлежность к христианской религии. Образ Мухаммеда в мусульманстве не несёт такого колоссального и многозначного смыслового значения, как идеал праведника, воплощённый в Иисусе, который был распят за идею.

Это образ общечеловеческий, доступный для понимания всем людям, не зависимо от их вероисповедания. «Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное», - говорил в интервью с корреспондентом Ириной Ришиной сам писатель. Авдий же добровольно страдает за весь род человеческий, только не в эпоху зарождения христианства, а в наше время. Каллистратов – личность неоднозначная, но чувствуется явная симпатия автора к нему. Несмотря на то, что айтматовский герой принадлежит к другой вере, нежели сам автор, это по-прежнему чуткий, сопереживающий, сомневающийся и поэтому ищущий молодой человек.

Авдий пока ещё не нашёл определённого призвания в жизни, не имеет постоянного заработка, но он всеми своими силами стремится помогать людям, делать добро, находится в состоянии постоянного поиска своего места в жизни, путей к познанию истины, причин извечных общественных пороков.

Отец его был священнослужителем, и Авдий тоже начал учиться в семинарии, решив пойти по пути отца, но вынужден был уйти оттуда. Тоталитарный режим оставил свой отпечаток и на церковной системе. Авдий не понимал, как можно подчинить одной принятой и единственно правильной идеологии религию, объединяющую веру и чувства человека, всегда готовую открыть ему путь к спасению. За соблюдением обрядов должна крыться душа человека, устремлённая к богу. За машинальным чтением молитв стал забываться их смысл. Авдий хотел преодолеть застенелость церкви, он искал бога-современника, который был бы близок всем людям, возродил бы в их душах те нравственные качества, которые они утратили.

Церковь не могла примириться с такой дерзкой инициативой; парадоксально то, что человек, высшей ценностью которого является именно вера, становится религиозным изгнанником! Но это отнюдь не поражение главного героя, Каллистратов, напротив, освободился от оков церковных институтов, находясь вне которых, он стал гораздо ближе к Богу, ведь Авдию не нужны посредники в общении с высшими силами, они бы только удлиннили его путь к Господу. Каллистратов – жертвенник и идеалист, поэтому вынужден постоянно сталкиваться со стеной непонимания. Важно, что он имеет мужество не сдаться, не отступить от своих принципов и убеждений, не испугаться при мысли, что он один в поле воин против всех, и в этом заключается его правда.

Как корреспондент газеты Каллистратов берётся написать исследовательскую работу о проблеме наркомании среди молодёжи, он пытается разобраться в причинах, которые движут людьми, отправляющимися за анашой в Среднюю Азию. Для этого он знакомится с анашистами, вливается в их среду, чтобы увидеть жизнь гонцов собственными глазами. Личность Авдия критики, да и простые читатели оценивают двояко: одних она восхищает и поражает своей духовной глубиной, у других вызывает скептическую улыбку утопичностью своих идей. Такой смех есть ни что иное, как признание человечеством своего поражения в борьбе с наркоманией главным образом из-за

неверия в возможность победы. Да, с развитием средств массовой коммуникации стало проще сказать всем людям: «Наркотики – это плохо!» Но что же дальше?! Человек прагматичен и мелочен, заключённый в чётко очерченные границы своего маленького мирка, смысл всей его жизни в конечном итоге сходится на личном благополучии. Каллистратов же не мыслит своего счастья без счастья общего, поэтому душа его как бы расширяется до всеобъемлющих размеров. Так кому же, как ни Авдию, суждено найти в себе силы на своего рода повторение подвига Христа, только в наше время! В своём герое Айтматов воплотил колоссальную творческую, созидательную силу, которая наделяет всю идею романа особым колоритом. Так Каллистратов становится ярким представителем в галерее образов, созданных Чингизом Айтматовым, и мы уже не мыслим великого «художника Евразии» без его любимого, выстрадавшего героя, а Авдий, в свою очередь, не существует вне Айтматова.

Миссия Каллистратова, исходя из своеобразия его личности, не могла сводиться к простому стороннему наблюдению за жизнью наркоманов. Он страдает за них и вместо них, осознавая всю безысходность и отсутствие всякого духовного наполнения в их существовании. Особенно жалко Каллистратову шестнадцатилетнего Лёньку, жизнь которого уже сломлена под корень.

Единственный выход Авдий видит в раскаянии, которое испокон веков лечило души людей, но, как и следовало ожидать, спасительная идея при столкновении с жестокой правдой действительности не находит откликов у анашистов. На первый взгляд причина кроется только в жажде денег, захватившей гонцов, но проблема эта имеет, прежде всего, философские и социальные истоки. Как и все люди, Гришан и его своеобразная команда тоже ищут своё счастье. Вот только Авдий находит радость в общении с Богом, созерцании природы, в силе добра, которым он готов поделиться с каждым человеком, в том, что душа его безгранична и не скована физическим пребыванием в человеческом теле, в творчестве и искусстве, вспомнить хотя бы, как заморожено слушает герой музыку древних болгарских песнопений. Анашисты же находят счастье ложное, псевдорадость обретают в кайфе.

Вспомним слова Петрухи: *«Травка — она какая, она — радость приносит, на душе рай от нее. — «А отчего радость»? — А оттого, вон, скажем, маленький ручеек протекает, его перешагнуть да переплюнуть, а для тебя он — река, благодать. Вот тебе и радость. А ведь радость — дело какое, откуда взять ее, радость? Ну, к примеру, хлеб купишь, одежду купишь, обувку тоже купишь, водку все пьют тоже за деньги. А от травки, хоть и деньги платятся немалые,— приятность особая; ты будто бы во сне, и все вокруг ну прямо как в кино. Только разница в том, что кино глазами сотни да тысячи, а тут ты сам по себе только, и никому нет дела...»*

Рассуждения его поражают своей простотой и логичностью, но сколько же в них человеческой тоски... Развитие событий доходит до наивысшей точки в столкновении двух противоположностей: Авдия и Гришана, добра и зла, чёрного и белого. Каллистратов проповедует единство человека и Бога, главарь анашистов говорит ему то, что Авдий меньше всего мог ожидать: он тоже ведёт людей к богу, но более доступным и быстрым путём. *«Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо... Лишь кайф дает блаженство, умиротворение, раскованность в пространстве и во времени... За неимением иного счастья кайф его горький заменитель».* В словах своих этот анашист открыто и резко обнажает правду жестокой действительности, скрытую за восхвалением социализма, коллективного хозяйства, жизни в коммунах, несомненно влекущими за собой благоденствие. Но агитационные плакаты и многообещающие речи не могли дать людям уверенности в завтрашнем дне, надежда на счастье неумолимо угасала.

Наркомания приобрела характер массового явления, распространяясь среди людей, потерявших мечту и веру, и вызвана была социально-политическими причинами.

Там же, в Средней Азии, Каллистратов знакомится с женщиной, которую не просто полюбил, она разделяла его мысли и стремления. Авдий и Ин-

га борются за одно дело. Инга участвует в разработке средств для уничтожения анаши. Но, должно быть, по неопытности Инга находит не совсем верный путь. В природе всё взаимосвязано, уничтожение хотя бы одного биологического вида может повлечь непредсказуемые последствия.

Наркомания – это болезнь, поражающая мозг и душу человека, и с исчезновением дурманящего растения проблема не решится. *«Если бы природа обладала мышлением, каким тяжким грузом вины легла бы на нее эта чудовищная взаимосвязь между дикорастущей флорой и нравственной деградацией человека»*, - размышляет Авдий в одной из своих многочисленных бесед с собственной совестью. В XX веке человек взял на себя ответственность перевернуть законы мироздания с ног на голову, он в природе, прекрасной и дающей начало всему живому, смог найти зло и смерть. Пройдут годы, но расплачиваться будет за это ещё ни одно поколение.

Находящемуся на грани жизни и смерти Авдию, зверски избитому и сброшенному с поезда анашистами, является видение. Он будто переносится на две тысячи лет назад, становится свидетелем событий, предшествующих казни Иисуса Христа. Это вознаграждение, посланное Богом Авдию за все его страдания. Герой смог увидеть воочию того, кто являлся для него идеалом, к которому он стремился приблизиться в своих внутренних диалогах.

Библейский мотив в «Плахе» напоминает роман Мастера в произведении Булгакова «Мастер и Маргарита», но это не должно нас смущать. Это будто иконы с ликом Спасителя, но созерцаем мы их в разных храмах. Айтматов проводит параллель между Авдием и Иисусом. Эта ниточка связывает людей, разделённых множеством веков. Таким образом, писатель утверждает вечность добра и его непоколебимость.

Начиная читать «Плаху», мы погружаемся в мир дикой красоты азиатских бескрайних степей, каменистых предгорий. Но что-то тревожное, гнетущее царит в воздухе Моюнкумской саванны: слышится гул мотора, оглушают выстрелы... Это человек-завоеватель ступил своим сапогом на нетронутую землю, стремясь покорить всё живое, забывая, что тоже является ча-

стью природы. Ужасен по своей бесчеловечности, стихийности эпизод отстрела сайгаков. Беспомощные животные, обезумев от страха, бегут по саванне, гонимые охотниками. Поражает то, что это не просто браконьерство. Само государство поощряло такие бойни, ведь необходимо было выполнить план по сдаче мяса к окончанию очередной пятилетки.

Отсутствие экологического воспитания приобретает глобальный характер, разрастается до государственного уровня. Бесчеловечность, возведённая в ранг политики, пустила страшные метастазы, и лечить эту тяжёлую болезнь предстоит ещё долго.

Создаётся впечатление, что роман «Плаха» наполнен каким-то особым духом, пронизывающим каждую строку произведения. Такое ощущение не случайно. Героями Айтматов делает не только людей, но и животных. Зорко следит своими мудрыми голубыми глазами за всем происходящим волчица Акбара, и всегда следует за ней верный спутник Ташчайнар. Айтматов будто меняет местами волков и людей. Всегда считалось, что волками движет злоба, но писатель показал нам мир глазами этих животных. Они имеют чувства, заботятся о своём потомстве, а больше всего на свете боятся человека.

Гармоничность волков и природы, то внимание, с которым они относятся друг к другу, даёт воплощение идеалу семьи. Люди же снизились до уровня животных, потеряли те качества, благодаря которым человек имел право именоваться таковым. Они лишились той духовной чистоты, которая позволила им жить в гармонии с природой. Волк стал оплотом человечности!

Люди считают, что животные могут говорить только в сказках, так как, ослеплённые жаждой наживы, они не хотят услышать крики братьев меньших с мольбой о помощи и пощаде.

Но еще более страшна трагедия живого человека, личности, зажатой в тисках между безлично-патриархальным обычаем рода-племени, где и не подозревают, что в человеке может быть индивидуальное «я», особенно в женщине, и сокрушают их волю к собственному пути.

В XX веке волк стал неким символом, человек сам оказался в волчьей шкуре. Не только у Айтматова, но и в произведениях его современников возникает образ человека-волка. Владимир Семёнович Высоцкий, талантливейший поэт ушедшего столетия, писал в своём стихотворении:

Улыбнёмся же волчьей ухмылкой врагу -
 Псам ещё не намылены холки!
 Но - на татуированном кровью снегу
 Наша роспись: мы больше не волки!
 Волк – жертва, человек – жертва...

Единственной опорой человека в холодном мире отчуждения остаётся семья. В последней части романа встречаются два одиноких человека, две обломанных судьбы, чтобы вместе вновь обрести счастье. Чабан Бостон без усталости трудится ради благополучия своей жены Гулюмкан и подрастающего сынишки, преемника и продолжателя рода. Но предложение чабана закрепить за ним земли, на которых пасутся его отары, было встречено резкой критикой парторга. Личная инициатива, которая в итоге привела бы к подъёму коллективного хозяйства, рассматривалась этим человеком, как частнособственническая инициатива.

Античеловеческие принципы, насаждённые самой государственной системой, радость от власти и манипуляций, прочно укоренившаяся в совокупности ценностей людей, этой системе служащих – всё это натравляет человека на человека. Само имя айтматовского героя наделено огромной смысловой нагрузкой. Бостон – «серая шуба», шкура загнанного в угол человека-волка.

Окончание романа трагично и неутешающе, судьба чабана рушится на глазах читателей. Сын погибает от руки отца, рок отнимает у Бостона последнюю надежду. Обречённость, отсутствие какого бы то ни было выхода, спасения повлекло наступление конца света для одного человека, но кто знает, что последует за этим крушением...

То есть основная и вечная драма мировой истории: противоборство между естественно живущими среди природы и в ладу с нею существами — и индустриальными горожанами, для кого природа — не Мать, а материал в переработку, сырье для изделий; а человек — просто работник-обслуга машины, а не душа и божество, — вот проблема, над которой всю жизнь бьется Чингиз Айтматов и представляет нам в художественных образах, что стали родными собеседниками всем читающим его книги. слышит язык Природы, сострадает животным: сколь одушевленны в его персонажах иноходец Гульсары, Рогатая мать-олениха, Великая Рыба-женщина, верблюд Каранар, волчица Акбара...

В романе лейтмотив судьбы, фатума ведущий, он звучит в самом голосе автора, который, превратившись из писателя-романиста в судью, предрекает человечеству дорогу на плаху за грехи его.

2.3. Библейский прецедентный текст «Не убий» в романе «Плаха»

Роман Чингиза Айтматова «Плаха» посвящен философским проблемам добра и зла, которые связаны с главным вопросом современности: сохранится ли жизнь на земле? Выживет ли человек, и каким он будет в условиях технократического XXI века? «Плаха» — многогеройное и многосюжетное произведение. Вот бывший семинарист, а теперь внештатный корреспондент областной молодежной газеты Авдий Каллистратов. В его воображении оживают события многовековой давности и прежде всего Христос, чья земная участь соотносится с судьбой айтматовского персонажа. Вот чабаны-антиподы Бостон и Базарбай. А вот «алкоголики-анашисты, охотники-заготовители, больше похожие на бандитов-расстрельщиков. И тут же подробнейшим образом изображается жизнь волчьего семейства, описываются материнские чувства волчицы Акбары, гибель ее детенышей, жестокая облава на сайгаков, ставшая началом их массового уничтожения.

И это не просто отдельные сильные эпизоды. Люди и звери, человеческий мир природный, как показывает Айтматов, скреплены жесткой, нерасторжимой причинно-следственной связью. Безжалостность, проявленная человеком по отношению к природе, оборачивается против него самого: того, кто творит зло, неизбежно настигает возмездие.

Спрашивается, почему смертные муки испытывает Авдий, пытавшийся помешать дикой расправе над обезумевшими от страха сайгаками? Почему автор допустил, чтобы его, честного и совестливого, после зверского истязания повесили, распяв на саксауле, пятеро охотников-алкоголиков? Почему вообще — и в этом романе Айтматова, и в предшествующих произведениях — часто погибают самые чистые и невинные представители рода человеческого — дети? Случайно? Конечно, нет.

В том-то и трагичность ситуации, что природа бывает слепой и ее возмездие может быть направлено на невинных и беззащитных. И, кроме того, все люди так или иначе, в той или иной степени несут ответственность за то зло, которое творится с их ведома и по их воле.

Вот пьяный чабан Базарбай разоряет волчье логово и крадет волчат, чтобы выгодно сбыть их. Волчица Акбара, в третий раз испытавшая потерю детенышей, в свою очередь похищает сына Бостона. Делает она это не из злых побуждений, а позову материнского инстинкта: может быть, дитя человеческое заменит дитя волчье? Отец же, пытаясь спасти мальчика, одним выстрелом убивает волчицу и ребенка. Такова страшная цена, которую платит род человеческий за нарушение нравственных норм. Поэтому наряду с общим понятием экологии существует понятие «экология нравственности». Борьба за сохранение природного мира, считает Айтматов, — это прежде всего борьба за спасение человеческого в человеке. А именно он под угрозой саморазрушения.

Писатель сопоставляет две морали, два типа поведения. С одной стороны, ничем себя не запятнавшие Авдий Каллистратов и Бостон. С другой — бездельники, алкоголики, формалисты и бюрократы, привыкшие лишь брать

т жизни, не отдавая ничего взамен. Философский конфликт поворачивается и «Плахе» социально-психологической стороной, становится острейшим конфликтом современности.

Конечно, и раньше люди проносились на своих низких лохматых лошадях по степным просторам, охотились на сайгаков и лисиц, птиц и тех же волков. Но прежде они включались в общий природный круговорот, поддерживали его баланс, истребляли животных ради продолжения своего рода. Теперь же человек, обладающий современными орудиями убийства, уничтожает «братьев меньших» не во имя жизни, а из-за корысти, прибыли.

Особенно в этом отношении волнует писателя молодежь, люди, стоящие в начале своего жизненного пути. Подстегиваемые наркотикам и, они признают только одно—деньги: «Мы будем деньгу делать», «Для нас деньги — прежде всего!», «На свете все продается и покупается». Зло порождает только зло. Приходит в действие закон цепной реакции: бездуховность одних перекидывается на других, и уже масса людей становится разрушителями и убийцами.

Вступительная глава, знакомящая нас с семейством волков, прячущихся от грохота вертолета, от адского шума которого сотрясается степь, является ключом ко всему повествованию. Параллель человек — волк проходит через весь роман. И кажется невероятным, что писатель, обнажая звериное в людях, видит человеческое в звере. Не случайно синеглазая волчица-мать, понимающая предсмертные страдания Авдия, сливается для него с образом самой Природы — «великой матери всего сущего».

Природа — действительно мать. для живущих на земле, но она может стать и нашей мачехой. «Не убий!» — многократно вспоминается при чтении романа этот евангельский призыв. «Плаха», подобно повестям В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Пожар», «Печальному детективу» В. Астафьева, обладает огромной взрывчатой силой. «К чему пришли?» — вот вопрос, который не дает покоя не только героям Айтматова, но и всем нам.

2.4. Литературные реминисценции и аллюзии в романе «Плаха»

Кроме евангелического сюжета в романе Айтматова присутствует и литературный контекст. Произведения, включающие в себя библейские мотивы как составляющую сюжета, изначально интертекстуальны, но на библейский текст наслаивается еще и литературные реминисценции и аллюзии, образующие сюжетные мотивы и лейтмотивы.

Так, прозаический текст «Доктора Живаго» находит свое продолжение в поэтической части романа, а «осевое» стихотворение «Гамлет», открывающее тетрадь Юрия Живаго, отсылает читателя, как к сюжету шекспировской трагедии, так и к евангельской истории Гефсиманского моления Христа. В «Плахе» Ч. Айтматова лейтмотивный образ восходящего на Голгофу Христа, с одной стороны, оказывает непосредственное влияние на персонажей романа, а, с другой, устанавливает связи между ними и героями других литературных произведений; так, в «иерусалимских» сценах отчетливо наблюдается не только обращение автора к новозаветному тексту, но и полемическая отсылка читателя к «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова.

В свою очередь Булгаков использует художественные приемы, разработанные В. Жаботинским в «Самсоне Назорее». А Ф. Горенштейн в «Псалме» открыто обращается к литературному наследию таких великих предшественников, как И.В. Гете, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Гумилев и др.

Общепризнанным показателем мотива является его повторяемость. Мотив может быть не только сюжетным, но и описательным, лирическим, не только интертекстуальным, но и внутритекстовым и обладать знаковостью как в его повторяемости от текста к тексту, так и внутри одного текста. Мотив настойчиво повторяющийся в тексте и служащий раскрытию общего замысла произведения, является лейтмотивом. «Принцип лейтмотивного построения повествования» (Б. Гаспаров) организует роман Айтматова «Плаха». Так, к евангельскому сюжету распятия Христа отсылает не только сцена

суда в вагоне товарного поезда, но и сцена смерти Авдия. Отличительной особенностью второй сцены от первой является не метафорическое воспроизведение евангельского эпизода, а открытая реминисценция, действующие лица которой умышленно воспроизводят события, описанные в Евангелие («Привязанный к корявому саксаулу, прикрученный веревками по рукам и ногам» Авдий напоминает «распятую человеческую фигуру»).

Мотив воды, присутствующий у Айтматова в сценах, ориентированных на евангельский текст, обнаруживает связь жизненных коллизий Авдия Каллистратова с сюжетом стихотворения А. Блока «Когда в листве сырой и ржавой...», где словно бы происходит подмена Христа лирическим героем: не человек взирает на распятого Господа, но Иисус к нему, «качающемуся на кресте», «плывет в челне».

В отличие от лирического героя Б. Пастернака в стихотворении «Гамлет», лирический герой Блока обращается не к Богу-Отцу («Авва Отче»), а к Богу-Сыну. Иными словами, Блок, уподобляя и приравнивая своего лирического героя Христу, с Христом же и ведет разговор. Диалог получается «на равных», человек возвышается до Христа и это репрезентируется как «данность», как неизбежный «крест», ниспосланный свыше. Лирическому герою остается только смириться перед высшей волей и «быть распятым в вышине».

И жизнь Авдия складывается так, что он «неизбежно должен был проследовать за Христом на Голгофу»; или, говоря блоковским языком, «в сырой и серой высоте, пред ликом родины суровой закачаться на кресте». И в стихотворении А. Блока, и в романе Ч. Айтматова «родина» выступает «действующим лицом», она «закулисно» управляет всем ходом событий, она — «главный режиссер» разыгрываемого действия, но над ней Бог, и именно к нему остается обратиться как к самой «последней инстанции».

Вода в анализируемых произведениях символизирует вечную жизнь («чистую реку воды жизни» — Откр. 22: 1), лодка (челн, корабль) — переправочное средство из мира земного в мир небесный (Мк. 4: 36 — 39; 41).

Той же семантической окраской — проводника между сакральной и земной сферой — наделена лодка в предсмертных томлениях Христа и его воспоминаниях о том, как в детстве его с матерью чуть не потопил, а потом спас крокодил в романе «Плаха». Образы воды и лодки становятся в романе лейтмотивными, что подтверждается и последней мыслью Каллистратова о Христе: «"Мой островок на Оке... Кто же спасет тебя, Учитель?"».

Эпизод смерти главного героя в романе Ч. Айтматова «Плаха» представляет собой концентрический микросюжет, не только внутренне завершённый, но и завершающий общую фабульную канву, связанную с развитием образа Авдия Каллистратова. А мотив евангельской истории, начатый задолго до рассказанного в эпизоде события, продолжается как основной лейтмотив романа, в который втягиваются еще и булгаковско-пастернаковское представление о Христе — нравственная чистота и кротость Иешуа Га-Ноцри и «моление о чаше» Христа-Гамлета. Роман Айтматова строится по принципу контрапункта, — наложения одной сюжетной линии на другую. Причем, различные по своей эмоционально-смысловой окраске линии в одинаковой степени ориентированы на евангельскую историю. По мысли автора, эта история повторяется из века в век в судьбах отдельно взятых людей, поколений, народов, в конце концов, самой Природы (образ Акбары).

2.5. Методическая разработка урока внеклассного чтения

Тема: Имя человека надо завоевать (по роману Чингиза Айтматова «Плаха»)

Оборудование: Портрет Ч. Айтматова, выставка книг писателя, на доске запись основных дат из биографии.

«Человек есть тайна,
я занимаюсь этой тайной,
ибо хочу быть человеком».

Ф. М. Достоевский.

ХОД УРОКА.

1. Вступительное слово учителя.

Эпиграфом урока стали слова Достоевского Ф. М. и это не случайно: Федор Михайлович мечтал о совершенном человеке. Он говорил, что «красота человеческих отношений спасет мир». И до сих пор эта мечта не осуществилась, потому что люди не нашли способ искоренить зло. Русские писатели в своем творчестве не раз пытались распутать узел человеческих судеб, связавший воедино благородство и низость, милосердие и жестокость. Об этом мы узнаем, читая Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Вслед за ними наш современник Ч. Айтматов анализирует синтез добра и зла.

- *Какие произведения Чингиза Айтматова вы уже знаете?*

- *Экранизацию каких сочинений писателя вам удалось посмотреть?*

- *Какие факты из биографии Айтматова вам известны?*

2. История создания романа «Плаха».

Ч. Айтматов показал трагедию наркомании: «Мы почему-то все время убеждали себя, что наркомания процветает где-то за рубежом, но только не у нас. Но тем временем оказалось, что и в нашем обществе тоже могут возникнуть такие нежелательные явления. Это просто бедствие...». Писатель отмечал, что мы сейчас переживаем какой-то новый этап острого ощущения нашего противоречия с природой, что не в праве стоять в стороне от общественных проблем. Больше всего Айтматов беспокоился за нашу молодежь. Настоящее - это, по его мнению, - перепутье, на котором концентрируется

человеческий опыт и идеал будущего. Молодой человек не всегда может ориентироваться на этом жизненном перекрестке и сбивается на неправильный путь. Молодости надо помочь разобраться и это задача взрослых: «Никто за нас не будет воспитывать нашу молодежь и формировать юные души. И нельзя благодушествовать, что ничего страшного не происходит: сейчас они жестокие, бессердечные, высокомерные, а подрастут - исправятся, мы их исправим. Не исправим. Исправлять труднее».

Ч. Айтматов предполагал создать большой синтетический роман «Круговращение», в котором бы была сделана попытка раскрыть многие проблемы молодежи, который вобрал бы к себя и историю Авдия, и историю семьи волков. «Воплотить замысел, - говорит Айтматов, - соединить разные сюжетные линии, разные времена в единое целое оказалось очень сложно. И, поняв, как долго мне предстояло работать над этой вещью, я решил историю Авдия написать отдельно. Я не предполагал, что она выльется в роман, думал - будет небольшая повесть, но она подверглась саморазвитию».

Произошло это, вероятно, вследствие исследования автором глубин человеческой души, анализа тайн различных характеров. Это сложно.

В жизни часто встречаются «духовно полярные» люди, как отнестись к ним? Чью сторону поддержать? Давайте проверим себя: всегда ли умеем мы отличить добро от зла? Пищу для духовного самовоспитания дает нам роман Айтматова «Плаха»: писатель рассуждает о человечестве, мы прислушиваемся к себе: что можно изменить к лучшему? Не случайно, объясняя смысл названия романа, автор замечал: "Человек в течение своей жизни так или иначе оказывается перед нравственным выбором - плахой. Иногда он всходит на эту плаху, иногда не всходит. В данном случае название говорит о том, какой пеной дается плаха - восхождение к ней, и есть ли в этом смысл, в этом пути на крестную муку».

3. Беседа по содержанию произведения.

Каких «полярных духовно» героев романа мы можем назвать?

Авдий и Бостон - главные герои, каждый из них имеет противников: у Авдия - это Обер и его приспешники, у Бостона - Базарбай и ему подобные. Поставим перед собой задачу сравнить духовность Авдия и Бостона.

Чтобы основательно разобраться в этой проблеме, проследим за историей жизни Авдия. Он предстает перед нами мятущимся, ищущим Добро.

Что не устраивает Авдия в жизни? Авдий живет в то время, «когда идеалы меркнут и процветает произвол». Люди потеряли Веру, Авдий придумал своего Бога-Завтра, творца человечности. Он ищет сподвижников, наивно полагая, что самые ответственные сосредоточились в молодежной редакции.

Отвергнув официально признанного бога, Авдий свято верит в то, что у каждого человека в душе должен быть свой бог. О себе он говорит: «Моя церковь это я сам». Герой «Плахи» отчаянно пытается достучаться до сердец людей, стремясь разбудить добро, но всюду его встречает равнодушие: «Сколько сил и стараний я приложил, чтобы написать мои степные очерки, чтобы передать в них мою гражданскую боль, я написал их как исповедь, но тут вторглись какие-то соображения о престиже страны (подумать только, чего ради мы создаем тайны от самих себя?)». Бюрократизм иссушает души людей, повсюду Авдий встречается с равнодушием и инертностью.

Почему же он не смиряется? Его душа не очерствела и диктует ему потребность действовать, он решается бороться со злом в одиночку.

Человеческая мудрость гласит о том, что один в поле не воин. Значит ли это, что Авдий обречен? Он понимает слабость борца-одиночки, но, отказавшись от болей борьбы, он еще больше будет мучиться в бездействии. Начинали борьбу всегда единицы, но за ними шли массы.

Можно ли назвать «правым делом» то, ради чего Авдий идет на гибель?

Авдий даже смертью своей пытается пробудить в людях совесть. Он убежден, что с возрождением Совести исчезнут Потребительство, Жестокость, Жадность. Подобные способы перевоспитания общества мы встречаем в романах Л. Н. Толстого, научном трактате Д. И. Писарева.

Насколько жизненна вера в силы проснувшейся совести? Сама по себе попытка искоренить зло прекрасна, но она бесполезна, потому что идеалистична: «...преступники, мерзавцы, тупые убийцы должны были вызвать в нем желание отомстить, а не сострадание. Но идеалист Авдий Каллистратов не желал усваивать уроки жизни, и никакая логика тут не помогала. Подсознательно он понимал, что поражение добытчиков анаши - это его поражение, поражение несущей добро альтруистической идеи. Ему оказалось не по силам повлиять на добытчиков, чтобы спасти их. И вместе с тем он не мог не понимать, как уязвим он из-за этого своего всепрощения...».

Авдий посвятил свою жизнь пробуждению в людях добра, а умер от торжествующей злобы.

В чем главная ошибка Авдия-перевоспитателя, приведшая его к трагедии? Он полагал, что в людях так много зла из-за того, что они забыли о секрете человеческой души - раскаянии: «Но как же может человек быть человеком без раскаяния, без того потрясения и прозрения, которые достигаются через осознание вины - в действиях ли, в помыслах ли, через порывы самобичевания или самоосуждения? Путь к истине - повседневный путь к совершенству».

Какова группировка образов? Два сюжетных центра обозначены фигурами Авдия и Бостона, вокруг каждого из них сосредоточены герои, с которыми первые вступают в конфликтные или дружественные отношения. Сюжетные линии ведущих героев не пересекаются. Объединяющим звеном для них является семья волков. Не случайно автор обращается к ним по именам: Акбара, Ташчайнар. Опорный знак, помогающий усвоить особенность композиции и группировку образов, может быть таким:

Авдий ↔ волки ↔ Бостон

Анализ судеб героев каждой сюжетной линии позволяет Айтматову вскрыть значительный жизненный пласт.

Какими путями Авдий стремился разбудить в «добытчиках» совесть? Метод «делай как я» остался без внимания с их стороны, обращение к Богу

«в душе каждого» вызывает лишь злобное раздражение, наконец, сама попытка доказать неправильность жизни людей Обера оказалась трагичной для героя: «Ну что тебе открылось в хождении по мукам»? Вот она жизнь... Нуждаются ли гонцы анаши в тебе? Что ты для них можешь сделать? Переубедишь? Заставишь жить другой жизнью? Как сумеешь отвратить их от зла, очистить покаянием заставить отречься от преступного промысла и увидеть подлинность в другом?». Осознание нелепости избранного пути делает натуру Авдия трагической, а способность вступить в единоборство, взять ответственность за всех усиливает общее сожаление о разумно растраченных жизненных силах Авдия.

В чем самобытность образа Авдия?

Во-первых, Авдий - человек Христианской религии (лег на плаху, повторил подвиг Иисуса). Айтматов первым с симпатией написал о верующем молодом человеке. Сам писатель настойчиво повторял, что Авдий - выстраданный им образ, «фигура, связывающая пласты времени, бросающая вызов инертности молодых душ, стремящихся ощутить себя наследниками всей человеческой культуры». Именно с появлением людей, подобных Авдию, Айтматов связывает надежды на преобразование современного мира.

Образ Авдия является неожиданностью для читателей еще и потому, что он, во-вторых, стал главным героем романа. «Да, - говорит писатель, - Авдий русский, но я рассматриваю его шире - как христианина, хотя то, что в нем происходит, касается и тех, моих современников, которые своим происхождением связаны с другими вероисповеданиями. В данном случае я пытался совершить путь через религию - к человеку. Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное. Поэтому я, атеист, столкнулся с ним на своем творческом пути».

Авдий чем-то напоминает и Демона, и Фауста, и Дон-Кихота, с этим автор соглашается, но добавляет, что как художник он оставляет за собой право на создание особого духовного мира и необычных обстоятельств для того, чтобы отразить через них идею произведения: «Из всех линий романа

для меня главный Авдий, его искания». Судьба Авдия - урок живущим на Земле.

В чем сходство судеб Авдия и Бостона? В условиях застойного времени Бостон оказался без поддержки, без должного уважения за добросовестнейшую работу, без понимания со стороны партийного руководства. Пьяница и лентяй Базарбай смеет запугивать в такой обстановке Бостона: «Я тебе такое устрою, что на своем партийном собрании, где ты все выставляешься, я, мол, всем передовикам передовик, всех уму разуму учишь, что позабудешь, откуда солнце всходит и куда заходит». Бостон, как и Авдий взял на себя ответственность за все происходящее вокруг него, пошел один против Зла: «Одну обойму вставил в магазин, другую сунул в карман, точно собирался на бой...». Бостон тоже идет на плаху.

Что разделяет схожих по духовному складу героев? Их разделяет жизненная позиция. Авдий идеалист, Бостон - практик. Он ответственной за Землю, она его родной дом: «Он работал не покладая рук и считал, что только в том и может заключаться смысл жизни. Так же истово он заставлял трудиться и всех... Многих из тех, кто прошел его школу, он вывел в люди, научил работать, а через это и ценить саму жизнь в труде. Ни на какую хулу Бостон, как правило, не отвечал, ибо никогда не сомневался, что истина на его стороне».

Как складывались у него отношения с окружающими людьми? Лентяев Бостон откровенно не любил, считал их никчемными, парторга-демагога открыто упрекал в том, что «сам ни хрена не делает и директору руки вяжет», зато истинных тружеников понимал с полуслова. Анализируя эти свойства характера героя, можно предположить, что «не ставила его судьба на колени». Но это не так.

Когда познал Бостон тяжесть и горечь сомнений? В мир потери единомышленника, товарища, друга Эрназара: «И никто не мог утешить его в горе... Отныне оно будет жить в нем всю жизнь. И вскричал тогда Бостон: «Ты разве не слышал наших заклинаний? Что же ты наделал и кто ты есть после этого? - сам не понимая, к кому обращается». Это «нечто» еще раз появляет-

ся в его судьбе и имеет уже несколько привычное местонахождение: «Вдруг оглушительно, точно грохот водопада, на него обрушились звуки реального мира, и он понял, что случилось, и, воздев глаза к небу, страшно закричал: «За что, за что ты меня покарал?»».

Стало быть, и Бостон имеет в душе своего Бога? Бостон уважал законы фауны и флоры, любил жизнь, осознавая себя составной частью Мира. Жизнь в слиянии с природой создавала ему необходимый душевный комфорт. Бостон свято верил в то, что человек, как и все живое на Земле, обязан не уничтожать, а обогащать природу, а та не останется в долгу. Поэтому каждый раз, когда оказывался бессильным перед стихией бытия, он невольно обращался к тому, с кем обычно связывают беды. Эрназар был другом живого, поэтому его гибель несправедлива, сам Бостон всегда жил по законам природы, поэтому понятна горечь его слов: «За что, за что ты меня покарал?». Базарбай мешал жить людям честно и справедливо, нарушал гармонию слияния человека с природой, поэтому именно он стал источником самой большой человеческой несправедливости: чабан вынужден убить сына и волчицу, а они были частью жизни Бостона.

Сломило ли убийство сына натуру Бостона? Бостон убрал с Земли источник грязи, несправедливости и жестокости. Даже вдова, склонившись по обычаю над телом ненавистного мужа, причитала: «Я всегда знала, что кончишь, как собака, потому что ты и был собака!». - Она попыталась еще что-то выкрикнуть, но тут двое пастухов зажали ей рот и оттащили подальше». Последние строчки романа свидетельствуют о том, что Бостон не сожалеет о содеянном, перед природой он чист: «И тогда, окинув суровым взглядом стоящих вокруг, Бостон негромко, но жестко сказал: «Я сам отправлюсь сейчас куда следует, сам на себя заявлю. Повторяю - сам!»».

Потрясенные случившимся, все молчали. Глядя на лица людей, Бостон вдруг понял, что «с этой минуты он преступил некую черту и отдалил себя от остальных: ведь окружающие были близкими людьми, с которыми изо дня в день, из года в год вместе добывали хлеб насущный... он понял, что отныне

он отлучен от людей навсегда, как если бы он воскрес из мертвых и этим уже был страшен». Бостон совершил антиобщественный поступок, но читатель оправдывает его: не в корыстных целях, не славы ради, а во имя счастья и спокойствия других.

Встречались ли мы с подобной мотивацией поступка в известном нам романе «Преступление и наказание»? Соня Мармеладова идет по желтому билету, но не вызывает отвращения у читателей, так как «совершает преступление» во имя голодных и маленьких детей Катерины Ивановны. Соня тоже взошла на плаху.

В чем отличие духовности Авдия от духовности Бостона? Отвечая на этот вопрос, будем иметь в виду и отношение автора к каждому из героев. Авдий - новый герой в творчестве Айтматова, он потребовал от автора больших затрат творческих возможностей (ведь надо было осмыслить и религиозную культуру). Бостон - понятнее, ближе, но это вовсе не значит, что автор «Плахи» равнодушен к нему. Наверное, оба героя дороги писателю, и прежде всего тем, что они стремятся преумножить красоту Земли, создать Добро для людей. Благодаря этим свойствам природы Авдий и Бостон возвышаются над безликим окружением.

Почему читателю становится заметно сходство и внутреннее родство у столь разных людей? Человеческая бездуховность может уживаться и во вполне благообразном облике, например, в Кочкорбаеве. Охотники за анашой, не сумев вытравить из Авдия духовное начало, уничтожают его физически, он будит совесть, с ним дискомфортно. Кочкорбаев подавляет в Бостоне личностные начала, насильственно пытается снять с него ответственность за Землю. Сходство горе-руководителя с преступниками заключается в том, что все они мешают людям в их пути к идеалам, искажают подлинный смысл жизни. Обер, Кочкорбаев и Базарбай - все они - этап обобщенной судьбы обывателя. Как только человек отлучается от своего настоящего дела, он ищет путь, чтобы, не работая, преуспевать. Чаще всего это удается стяжателям и эгоистам, которые воспринимают Землю, как средство удовле-

ния собственных потребностей. Они даже планету хотят заставить служить низменным интересам, они коверкают человеческую речь. Такие герои не могут не вызывать у читателей отвращения, Айтматов ведет нас к пониманию необходимости вступить в борьбу с бездуховностью.

Для чего автор проводит параллель между судьбами героев и волков?

Потеряв Совесть, Милосердие, Любовь, Мудрость, такие люди максимально приблизились к животным. Оберы и базарбаи неуютно чувствуют себя среди людей, они ненавидят Человека. Но им нет места и в мире животных. В отличие от них Ташчайнар и Акбара заботливы, милосердны, берегут семью, умеют ценить и помнят Добро, Волки имеют больше оснований жить на Земле.

Какую роль в романе играет семья волков?

Характеризуя каждого из героев, мы отмечали, что они во имя идеи всходили на плаху. Акбара оказывается тоже перед своим выбором. Загнанная в жизненный тупик, она обезумела от человеческого жестокосердия и алчности, сохранив природное чувство доброты: «И вот Акбара стояла перед малышом. И непонятно ей, как открылось, что детеныш, такой же, как любой из волчат, только человеческий, и когда он потянулся к ее голове, чтобы погладить..., изнемогающее сердце Акбары затрепетало... Волчица изливала на него накопившуюся в ней нежность, вдыхала в себя его детский запах...». Волчица осторожно понесла человеческого детеныша в свое логово. Она могла бы, но не послушалась Бостона: «Оставь, Акбара! Оставь моего сына! Никогда я больше не трону твоего рода!». Волчица больше не верила людям. Ее богиня не брала ее к себе на луну, «туда, где нет людей». На Земле нет людей, способных понять волков. Значит, и у нее выбор: погибнуть от рук человека или вырастить в своем логове человеческого детеныша, чтобы самой научить его любить природу, определить свою роль в ней. Размышляя над судьбами волков, мы становимся невольно единомышленниками Авдия и Бостона. Избранный героями путь заканчивается драматически.

Может быть, их судьба предупреждает о безопасности сопротивления злу? Авдий и Бостон - герои-одиночки. Их борьба свидетельствует о том, что и в годы застоя находились силы, способные противостоять пассивности душ, бездуховности. Их жизнь не была бесполезной. Но она могла быть существенней, не окажись герои в одиночестве. Оберы рыскают по степи и объединяются в стаи; кочкорбаевы и базарбаи поддерживают друг друга, поэтому им удастся добиться желаемого.

Каким же путем можно побороть зло? Ч. Айтматов призывает к объединению всех борющихся с несправедливостью сил. Каждый может воспитать в себе нетерпимость ко злу, способность открыто выражать свою точку зрения, умение найти единомышленников. И, если большинство будет отстаивать на земле добро, восхождение на плаху не понадобится. Вот почему роман Ч. Айтматова мы называем повествованием о нравственных исканиях наших дней, призовем к совести всех и каждого. Подчеркивая основную мысль романа, автор предоставлял право читателю выбрать ... «что делать, ждать, когда все вместе очухаются и соорганизуются или начать самому?» и добавлял: «Совесть это и смелость».

4. Заключительное слово учителя. XX высокообразованный век уничтожил столько же людей, сколько их не уничтожили за столетия все известные нам тираны вместе взятые, как утверждал Хемингуэй, «уничтожил, не сумев поработать». О том, как может человек противостоять миру жестокости, задумывались Фукидид, Лотреамон, Гете, Бертран, Гоголь, Достоевский, а позже многие паши писатели-современники. Они едины в утверждении того, что идея уничтожения в мире зла извечная, пути ее осуществления доступны человеку, но ради этой идеи каждый человек должен быть готов идти на плаху. Каждому надо учиться восходить на Плаху. Спросим себя: готов ли я сейчас сделать это? И пусть ваш ответ будет не минутным порывом, а серьезным рассуждением о цене восхождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман «Плаха» – один из интереснейших в творчестве замечательного современного писателя Чингиза Торекуловича Айтматова. «Плаха» продолжает традиции русской литературы: гуманизации, очеловечивания образа Христа, у истоков которой стоят художники и мыслители Возрождения и которая замыкается «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова.

В данном случае творческое отталкивание от своих предшественников очевидно. Так, сам Ч.Айтматов отмечает, что Понтий Пилат и Иисус у Булгакова, Понтий Пилат и Иисус Назарянин из романа «Плаха» являются одними и теми же лицами и находятся в одной и той же ситуации. Но именно эта ситуация, где сталкивается Понтий Пилат и Иисус Назарянин, приобретает универсальный художественный смысл. Ведь в романе Ч.Айтматова речь идет не о грядущем апокалипсисе, а изображается реальная катастрофа, которая возникает и стала возможной в результате человеческих злодеяний.

Обращение Айтматова к событиям в Иерусалиме – не самоцель, а внутренняя необходимость, вызванная художественной проблематикой. Вопрос состоит только в том, что внес Ч.Айтматов, в отличие от М.Булгакова, в интерпретацию древней символики и на каком уровне осмысления национального и общечеловеческого ему удалось осуществить, реализовать свою художественную задачу.

Как известно, Понтий Пилат, по Булгакову, правитель Иудеи и является главным героем романа «Мастер и Маргарита». У Ч.Айтматова на первый план выведен Иисус Назарянин. У Булгакова Понтий Пилат хочет спасти молодого философа Иешуа, которого сам привел к смертельной черте, но уже не может спасти его. У Ч.Айтматова Понтий Пилат как правитель добивается силой и своим могуществом только одного – чтобы Иисус Назарянин отрекся от своей истины, для которого она одна. Но Иисус непреклонен и потому идет к мучительной смерти добровольно, ради торжества идеи.

Таким же образом поступает и Авдий Каллистратов. Смерть главного героя – не жертвоприношение, а самопожертвование. Его цель – спасти, и он – спасает. И если последними мыслями Бостона, другого действующего лица, являются размышления о конце света, то предсмертные слова Авдия – о «спасении душ людских», вопреки «сомкнутости добра со злом». Образ Авдия троичен: автор – Авдий – назарянин. Время и Вечность – одна из центральных антитез романа, потому-то и понадобился персонаж, наделенный не просто даром провидения, но как бы говорящий от имени Вечности. Более того, на протяжении столетий имя Христа было своего рода гарантией спасения человечества в час, когда Время и Вечность сомкнутся. Тем безысходнее то грядущее, которое прозревает Иисус у Айтматова накануне ареста в Гефсиманском саду – грядущее без будущего для человечества.

Евангельский эпизод вводится в роман вовсе не как фон для истории Авдия Каллистратова. Его история достаточно конкретна, а случай с «чудаком галилейским», хотя о нем и сказано, что в истории он был однажды, перерастает рамки единичности. Он бесконечно повторяется в нескончаемых воспоминаниях, поднимается до уровня вечной памяти: «...все забудется в веках, но только не этот день».

Евангельский эпизод становится не просто фактом прошлого в едином временном ряду, он разворачивается как особое измерение конкретного в его соотношении с вечным, а айтматовский Христос является носителем идей, воплощающих эту особую меру. Поэтому на вопрос Понтия Пилата, есть ли для людей Бог выше ныне живущего кесаря, он отвечает: «Есть, правитель римский, если избрать другое измерение бытия».

Трагедия Иисуса у Айтматова – как бы перевернутая трагедия Авдия, вчерашнего семинариста, страдающего, переживающего наяву прошлое. Иисус мучается тем, что не в силах отвратить грядущее, которое люди уготовили себе сами. И перед назарянином встает вопрос: остаться ли с людьми или отречься от них, признать, что человек – зверь, одержимый маниакальной жадью власти, зверь, которого никто и ничто не может изменить? Весь

роман «Плаха» – попытка найти ответ на этот вопрос. В конечном счете исход диспутов и споров, словесных стычек, которые происходят между героями романа, являются не словесной дуэлью, а выбором, который делает герой, зачастую вопреки очевидности, движимый не разумом, а любовью: к распятому учителю, к погибшему сынишке, к женщине, к людям, в которых «так трудно рождается... человеческое».

Эпически антропоморфный взгляд на природу открывает Ч.Айтматову новые грани прозаического искусства, чтобы убедительно, с всепроникающим психологизмом, раскрыть сложные человеческие взаимоотношения. Именно киргизский эпос наполняет и насыщает этот роман той неповторимой национальной атмосферой, той пронизывающей художественной струей, без которой, пожалуй, образ христианина Авдия Каллистратова повис бы в безвоздушном пространстве.

Писатель намеренно «очеловечивает» Акбару, наделяет её человеческими качествами. В итоге эпический антропоморфизм превращается в универсальное средство словесного искусства, с помощью которого раскрываются новые свойства и качества, новые горизонты современного творчества. Айтматов не подражает эпическому стилю и не копирует эстетику эпического образа, не занимается простой трансформацией. Эпос «о зверях» предельно аккумулирует творческую цель писателя и материализует её на основе принципов художественного видения. В итоге рождается та неповторимая и своеобразная национальная «атмосфера», без которой немислимо само существование произведения его авторском замысле. Образ Авдия Каллистратова достигает своей художественной фактуры именно потому, что соприкасается с этой эпической «атмосферой».

Таким образом, Чингиз Айтматов в своем романе направляет человека к идее гуманизма, милосердия, веры в доброе начало в человеке. Он призывает людей не нарушать ту гармонию, которая существует в природе, встать на путь истины и добра.

Список использованной литературы

1. Айтматов А. Т. Буранный полустанок. – М.: Профиздат, 1989 – 585 с.
2. Айтматов А. Т. Плаха. – Нукус, 1988. – 301 с.
3. Асаналиев К. Чингиз Айтматов: поэтика художественного образа // автореферат диссертации на соискание...доктора филологических наук. – Фрунзе, 1989.
4. Бахтикиреева У.М. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч.Айтматова «И дольше века длится день» // автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук – М., 1995. – 16 с.
5. Баканова Е.В. Библия как гипертекст: культурно значимые концепты: / Е.В. Баканова. – Ульяновск, 2011.
6. Бальбуров Э.А. Мотив и канон // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – С. 12.
7. Библейская энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
8. Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка // Русская речь. М. – 1993. – №. 1. – С. 90-98.
9. Виноградов И. Духовные искания русской классики. – М.: Сов. писатель, 1987. – 380 с.
10. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Художественный текст как культурно-исторический феномен. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 178 с.
11. Гачев Г. Чингиз Айтматов и мировая литература. - Фрунзе, 1982.
12. Иванов А. В. О свободе. // Вопросы философии, 1993. № 11. – С. 10 – 15.
13. Изюмова А.В. Эстетический идеал в романах Ч.Айтматова («Буранный полустанок», «Плаха»)// автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1992.

14. Касьянов А.В. Евангельский мотив в романе Ч. Айтматова «Плаха» // Вестник молодых ученых. Серия «Филологические науки». 2006. № 2. С. 73—78.
15. Касьянов А.В. Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века // автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Пермь, 2007.
16. Касьянов А.В. Фольклорно-мифологические образы в поэзии В. Высоцкого. Цифры и числа. «Правое» и «левое» // Учебная книга для учителя по использованию материалов хрестоматии «Иная мысль — иная речь» (часть третья). Пермь, 2006. С. 248—255.
17. Кобзева О.С. Проза Чингиза Айтматова в журнальном контексте «Нового мира» диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Волгоград, 2004. – 214 с.
18. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1971.
19. Кремнева А.Н. Функционирование библейского «мифа» как прецедентного текста: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01/ – Барнаул, 2001.
20. Левченко В.Г. Поэтика Чингиза Айтматова. // автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук – М., 1996. – 40 с.
21. Литературный энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1987.
22. Лилич Г.А. Библейзмы как отражение воззрений эпохи // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб.: Петрополис, 1995. – с. 106-113.
23. Литературная энциклопедия терминов и понятий/Под ред. А. Н. Николюкина – М.: НПК «Интелвак», 2001 – 1600 с.
24. Матвеева Н.П. Библейзмы в русской словесности // Русская словесность. – 1993. – N 2-3.
25. Мещерякова И. А. Библейские мотивы в поэзии М. Цветаевой: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 2000.

26. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. – Саратов, 2010.
27. Орлова Н. М., Черепанов М. В. Книга книг: филологический комментарий библейских текстов. – Саратов: Научная книга, 2006. – 380 с.
28. Орлова Н. М. Тематический словарь «Мир Библии» и прецедентные тексты русской литературы // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С.74-77.
29. Оноприенко С. Библеизмы современного русского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / – Воронеж, 1999.
30. Павловский А. И. О романе Чингиза Айтматова «Плаха» // Русская литература, 1988. № 1. – С. 92 – 118.
31. Пананинова Н. Романы-метафоры Ч. Айтматова Литература в школе. – 1988. - N 5, с. 7-15.
32. Рыкова К.А. Проблема творчества в этико-эстетических воззрениях Ф. М. Достоевского: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01.- Москва, 2002. – 245 с.
33. Сахаров В. М. Булгаков: уроки судьбы // Наш современник, 1991. № 11.
34. Соколов Б. «Мастер и Маргарита»: проблема бытия и сознания или разума и судьбы? // Лепта. 1997. № 36. – С. 205 – 215.
35. Соколов Б. Энциклопедия Булгаковская. – М.: Миф, 1997. – 584 с.
36. Словарь библейских образов. Под общей редакцией Л. Райкена и др. Пер. с англ. Б.Скороходова. – СПб., 2006. – 700 с.
37. Супрун В.И. Библейский текст на занятиях в школе и в вузе // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб.: Петрополис, 2005. – с. 159–165.
38. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01/ Петрозавод. гос. ун-т.- Санкт-Петербург, 2006.
39. Томашевский Б. Теория литературы. – М.: Флинта Наука, 2001.

40. Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры. Словарь. – М.: Флинта, 2005. С. 121-123.
41. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Дрофа, 2005. – С. 266.
42. Чернец Л.В., Семенов В.Б., Скиба В.А. Школьный словарь литературоведческих терминов: стилистика. Стихovedение – М.: Просвещение, 2007. – 352 с.
43. Шалков Д. Ю. Библейские мотивы и образы в творчестве В.В. Маяковского 1912-1918 годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / - Ростов-на-Дону, 2008.- 230 с.
44. Шанский Н.М. Евангельский текст и фразеология русского языка// Русский язык в школе. М., 1995.
45. Шанский Н.М. Личные имена Евангелия в русском языке // Русский язык в школе. - 1995. - №1. - С.45 – 50.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- Грамота.Ру: справочно-информационный портал «Русский язык»
<http://www.gramota.ru>
- Мир слова русского <http://www.rusword.org>
- Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) <http://www.mapryal.org>
- Научная библиотека диссертаций и авторефератов
<http://www.dissercat.com/>
- Диссертации по гуманитарным наукам -
<http://cheloveknauka.com/esteticheskiy-ideal-v-romanah-ch-aytmatova-burannyy-polustanok-plaha#ixzz33U6Nowdq>
- Национальный корпус русского языка: информационно-справочная система
<http://www.ruscorpora.ru>
- Википедия <http://ru.wikipedia.org/>
- Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» <http://feb-web.ru/>

Приложение 1. Афоризмы из романа Ч.Айтматова «Плаха»

№	Афоризм Айтматова
1	Вера – это тебе не кайф, вера – продукт страданий многих поколений, над верой трудиться надо тысячелетиями и ежедневно.
2	Когда враг погибает в бою, он перестаёт быть врагом.
3	Любовь – антитеза смерти, она потому и являет собой ключевой момент жизни.
4	И сколько еще было произнесено в веках молитв, что, будь они материально ощутимы, затопили бы собой всю землю, подобно горько-солёным океанам, вышедшим из берегов. Как трудно рождалось в человеке человеческое.
5	Нам суждено было встретиться, и обещаю при встрече не утруждать вас, обращаться на «Ты», а пока так много есть чего сказать.
6	И не в том ли магия любви – в обоюдном стремлении друг к другу.
7	Родину невозможно унести, можно унести только тоску, если бы родину можно было перетаскивать с собой, как мешок, то цена ей была бы грош.
8	Раскаяние – величайшее достижение человеческого духа. В наше время дискредитировано. Оно, можно сказать, полностью ушло из нравственного мира современного человека. Но как же может человек быть человеком без раскаяния, без того потрясения и прозрения, которые достигаются через осознание вины – в действиях ли, в помыслах ли, через порывы самобичевания или самоосуждения?
9	Что стоит твоё христианство без антихриста? Без его вызова? Кому оно нужно? Какая в нём потребность? Вот и выходит, что я вам необходим! А иначе с кем вам бороться, как продемонстрировать воинственность своих идей?
10	Трудно установить, что такое людская жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной системе не под силу интегрировать общую кривую самых обычных человеческих натур.

БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ректору Бухарского
государственного университета
проф. Таджиходжаеву З.А.
от студентки 4 «а» курса
русской филологии
филологического факультета
по направлению: 5120100 –
Филология (славянская)

(Ф.И.О.)

Моб.тел.: _____

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу утвердить мне тему выпускной квалификационной работы _____

и назначить научным руководителем _____

Студент _____

«__» _____ 2013 г.

«СОГЛАСОВАНО»

Декан _____ А.А. Хайдаров

«__» _____ 2013 г.

РЕЗЮМЕ

выпускной квалификационной работы Курбановой Зарины Исмаатовны на тему: «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха»

по специальности 5120100 – Филология (Славянская)

Ключевые слова: мотив богоискательства, библейские аллюзии, реминисценция, киргизский писатель, творческий путь, биография, повесть, рассказ, миф, легенда, эпос, русский роман XX века, евангельский сюжет, преломление, структура, наркомания, нравственные проблемы, человек, зверь, волк

Актуальность работы определяется необходимостью разработки принципов анализа библейского пласта романа Чингиза Айтматова «Плаха».

Объект исследования: роман Чингиза Айтматова «Плаха», включающий в себя в качестве сюжетообразующего элемента библейский мотив и образы, среди которых важную роль играет мотив богоискательства.

Предмет исследования: функция библейских мотивов и образов в реализации темы противостояния добра и зла.

Цель работы: выявление и описание функции мотива богоискательства в построении сюжета одного из крупных романов XX века – «Плахи» Айтматова.

Практическая значимость: Материалы и результаты работы могут быть использованы: в вузовском и школьном преподавании русской литературы, в разработке лекций теории и истории литературы XX века.

Методы исследования: метод наблюдения над материалом, описательный метод, метод компонентного анализа, метод сплошной выборки материала, системный метод, сравнительно-типологический анализ, метод интертекстуального анализа.

Структура работы: Работа состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка использованной литературы.

Область применения: теория и история русской литературы, филологический анализ художественного текста, аксиология

SUMMARY

Kurbanova Zarina Ismatovna's final qualification work
on a subject: "Motive of God-seeking in Ch. Aitmatov's novel
"Executioner's block"
in the specialty 5120100 – Philology (Slavic)

Keywords: motive of God-seeking, bible hints, reminiscence, Kyrgyz writer, career, biography, story, story, myth, legend, epos, Russian novel of the XX century, evangelical plot, refraction, structure, drug addiction, moral problems, person, animal, wolf

Relevance of work is defined by a neobkhost of development of the principles of the analysis of bible layer of the novel of Chingiz Aitmatov "Executioner's block".

Object of research: Chingiz Aitmatov's novel the "Executioner's block", bible motive including as a syuzhetoobrazuyushchy element and images among which an important role is played by motive of God-seeking.

Subject of research: function of bible motives and images in realization of a subject of opposition of the good and evil.

Work purpose identification and the description of function of motive of God-seeking in creation of a plot of one of large novels of the XX century – Aytmatov's "Executioner's blocks".

Practical importance: Materials and results of work can be used: in high school and school teaching of the Russian literature, in development of lectures of the theory and history of literature of the XX century.

Research methods: supervision method over a material, a descriptive method, a method of the component analysis, a method of continuous selection of a material, system method, comparative and typological analysis, method of the intertekstualny analysis.

Work structure: Work consists of the introduction, two heads including seven paragraphs, the conclusions, the list of the used literature.

Scope: theory and history of the Russian literature, philological analysis of the art text, axiology

НОРМОКОНТРОЛЬ

выпускной квалификационной работы студентки 4 «а» курса отделения русской филологии филологического факультета Бухарского государственного университета Курбановой Зарины Исматовны

Анализ ВКР на соответствие требованиям методических указаний

№	Объект	Параметр	+/-
1	Наименование темы работы	Соответствует утвержденной вузом теме	
2	Размер шрифта	14 пунктов	
3	Название шрифта	Times New Roman	
4	Междустрочный интервал	Полуторный	
5	Абзац	1, 25 см	
6	Поля (мм)	Левое – 2,5 см, правое – 1, 5 см, верхнее и нижнее – 2см	
7	Общий объем	50-60 стр. машинописного текста	
8	Объем введения	2-3 стр. машинописного текста	
9	Объем основной части	40-50 стр. машинописного текста	
10	Объем заключения	2-3 стр. машинописного текста	
11	Нумерация страниц	Сквозная, верхней части листа, справа. На титульном листе номер страницы не проставляется	
12	Последовательность приведения структурных частей работы	Титульный лист. Содержание. Введение. Основная часть. Заключение. Список использованной литературы	
13	Оформление структурных частей работы	Каждая структурная часть начинается с новой страницы. Наименования приводятся с абзаца с прописной (заглавной буквы).	
14	Основная часть	2 главы, соразмерные по объему	
15	Состав списка литературы	30-35 библиографических описаний и научных источников	
16	Приложение	Факультативно	
17	Оформление оглавления	Оглавление включает в себя заголовки всех разделов, глав, параграфов, приложений с указанием страниц начала каждой части	

Зав.кафедрой: _____ А.Б. Сариев

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГАК

Студентка русской филологии филологического факультета Бухарского государственного университета Курбанова Зарина Исмамовна направляется на защиту выпускной квалификационной работы на тему:

«Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха»

Выписка из зачётно - экзаменационной ведомости, справка об успеваемости, заключение руководителя выпускной квалификационной работы, выписки кафедры об утверждении темы и допуске к защите выпускной квалификационной работы, рецензия и характеристика студента прилагаются.

Декан: **Хайдаров А.А.**

СПРАВКА ОБ УСПЕВАЕМОСТИ

Студентка Курбанова Зарина Исмамовна за время пребывания в Бухарском госуниверситете в период с 2010 по 2014 годы выполнила учебный план по специальности со следующим рейтинговым результатом ____%

Декан **Хайдаров А.А.**

**БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

«УТВЕРЖДАЮ»

зав. кафедрой _____

к.п.н. Сариев А.Б.

«26» августа 2013 г.

ЗАДАНИЯ ПО ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ

1. Кафедра русской филологии
2. Тема: «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха»
3. Исполнитель: Курбанова Зарина Исмамовна
4. Научный руководитель старший преподаватель Исаева Г.А.
5. Утверждён приказом ректора № 332 – У от 26.09. 2013.
6. Срок окончания работы – 15 апреля 2014 г.
7. Краткое содержание заданий по ВКР и сроки их выполнения студентом:
 - а) написание плана-проспекта _____ октябрь 2013 г.
 - б) сбор материала, составление библиографии _____ декабрь 2013 г.
 - в) написание 1-ой главы _____ февраль 2014 г.
 - г) написание 2-ой главы _____ апрель 2014 г.
 - д) предварительная защита _____ май 2014 г.
8. Срок сдачи ВКР – 10 мая 2014 г.
9. Дата защиты выпускной квалификационной работы __ июня 2014 г.
10. Оценка, выставленная Государственной аттестационной комиссией _____
11. Подпись студента _____

ВЫПИСКА № 1
ИЗ ПРОТОКОЛА № 1 ЗАСЕДАНИЯ
КАФЕДРЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ БухГУ

от 26 августа 2013 года

Присутствовали: Зав. кафедрой Сариев А.Б., доценты Джураева З.Р., Сидоркова Л.Р., Нигматова Л.Х., ст.преп. Исаева Г.А., преподаватели Бокарева М.А., Болтаева М.Ш., Розикова Н.Н., Гудзина В.А., Базарова Н.Х., Бабаева Ш.Б., Насиров О.Т., Туйлиева Л.А.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

3. Утверждение тем выпускных квалификационных работ.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Студентка 4-го «а» курса филологического факультета отделения русской филологии Бухарского государственного университета Курбанова Зарина Исмаевна допускается к написанию выпускной квалификационной работы.
2. Утверждается тема ВКР: «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха».
3. Назначить научным руководителем старшего преподавателя кафедры русской филологии Исаеву Г.А.

Зав. кафедрой: _____ А.Б. Сариев

ВЫПИСКА № 2
ИЗ ПРОТОКОЛА № 9 ЗАСЕДАНИЯ
КАФЕДРЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ БУХГУ

от 7 мая 2014 года

Присутствовали: Зав. кафедрой Сариев А.Б., доценты Джураева З.Р., Сидоркова Л.Р., Нигматова Л.Х., ст.преп. Исаева Г.А., Бокарева М.А., преподаватели Болтаева М.Ш., Розикова Н.Н., Гудзина В.А., Базарова Н.Х., Бабаева Ш.Б., Насиров О.Т., Туйлиева Л.А.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

3. Обсуждение результатов предварительной защиты выпускных квалификационных работ и допуск к ГАК.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. ВКР студентки 4-го «а» курса филологического факультета отделения русской филологии Бухарского государственного университета Курбанову Зарину Исмаатовну «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха» отвечает требованиям, предъявляемым ГАК к работам подобного рода.
2. Считать Курбанову Зарину Исмаатовну успешно прошедшей предварительную защиту ВКР и допустить его к защите выпускной квалификационной работы в ГАК.
3. Назначить официальным оппонентом ВКР Курбановой Зарине Исмаатовне преподавателя кафедры русской филологии Гудзину В.А.

Зав. кафедрой: _____ А.Б. Сариев

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

научного руководителя о выпускной квалификационной работе на тему:

«Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха»

студентки IV «а» курса русской филологии БухГУ

КУРБАНОВОЙ ЗАРИНЫ ИСМАТОВНЫ

В настоящей выпускной работе выявлены и описаны библейские мотивы, среди которых смыслообразующую роль играет мотив богоискательства. Данное исследование проводилось на материале творчества одного из самых ярких писателей XX века – Чингиза Айтматова.

В структурном отношении состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, определяется цель, задачи исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость.

В первой главе рассмотрена биографическая справка и творческий путь Чингиза Айтматова, дана характеристика его ранним повестям и рассказам.

Во второй главе Курбанова Зарина рассмотрела библейский аспект романа Ч.Айтматова «Плаха», на многочисленных примерах описала евангельские сюжеты, реминисценции, аллюзии и антропонимы, определила их стилистическую и смыслообразующую роль. В Заключении приводятся общие выводы по теме исследования.

На мой взгляд, студенткой проделана большая работа, собран материал, позволивший ему раскрыть в достаточной мере выбранную тему, цели и задачи исследования.

Таким образом, выпускная квалификационная работа Курбановой Зарины полностью готова и может быть представлена к защите в ГАК.

Научный руководитель: _____ ст.преп. Исаева Г.А.

ОТЗЫВ РЕЦЕНЗЕНТА

Бухарский государственный университет

Выпускник филологического факультета отделения русской филологии БухГУ: **Курбанова Зарина Исмаевна**

Тема: «Мотив богоискательства в романе Ч.Айтматова «Плаха»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГАК О ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ

ГАК Бухарского государственного университета в соответствии с приказом МВССО РУз. за № 362 от 31.12.1998 г. о выполнении ВКР выяснила ниже следующее:

1. Объем ВКР (до 60 страниц): соответствует требованиям – 10 баллов, частично соответствует – 7 баллов, не соответствует требованиям – 4 балла.
2. Выбор темы ВКР соответствует актуальным проблемам филологии: входит в государственную программу – 8 баллов, на основе гранта – 7 баллов, на основе программы БухГУ – 6 баллов, по актуальным проблемам – 5 баллов.
3. Обоснование актуальности темы работы: на должном уровне – 5 баллов, на недостаточном уровне – 3 балла, не обосновано – 2 балла.
4. Раскрытие целей и задач работы: полное – 7 баллов, неполное – 5 баллов, не раскрыто – 3 балла;
5. Степень использования в ВКР методов научного исследования: высокая – 7 баллов, средняя – 5 баллов, низкая – 3 балла.
6. Степень новизны и достоверности: результаты новые – 8 баллов, ранее известные – 6 баллов, недостаточно достоверны – 3 балла.
7. Содержатся ли в выводах предложения и рекомендации по практическому применению результатов работы: имеется – 6 баллов, недостаточно – 5 баллов, отсутствуют – 3 балла.
8. Критический подход выпускника к проблеме ВКР: в достаточной степени – 8 баллов, не в полной мере – 6 баллов, критически не оценена – 4 балла.

9. Научный характер работы: выполнен на основе научных исследований – 8 баллов, на научно-методической основе – 5 баллов, носит реферативный характер – 3 балла.

10. Степень использования литературы: в полной мере использованы научно-методические журналы, монографии, труды ведущих ученых – 8 баллов, мало использовано научной литературы – 6 баллов, только использованы учебники, тексты лекций и учебные пособия – 4 балла.

11. Оценка доклада выступления выпускника: отлично – 10 баллов, хорошо – 7 баллов, удовлетворительно – 6 баллов.

12. Ответы на заданные вопросы: полные ответы – 8 баллов, хорошие – 6 баллов, средние – 4 балла.

13. Оценка ВКР внешним рецензентом: отлично – 7 баллов, хорошо – 6 баллов, удовлетворительно – 5 баллов.

14. Итоговый балл ВКР _____

Оценка _____

Примечание: каждый балл выделяется подчеркиванием.

Председатель ГАК _____

Члены ГАК _____

(Место печати)

Дата «__» _____ 2014г.